
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ,
ГОД 1964...

Осло. Одна из старинных улиц норвежской столицы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
42-й год издания

№ 28 (1933) ОГОНЁК

5 ИЮЛЯ 1964

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В центре города.

Площадь у здания муниципалитета.

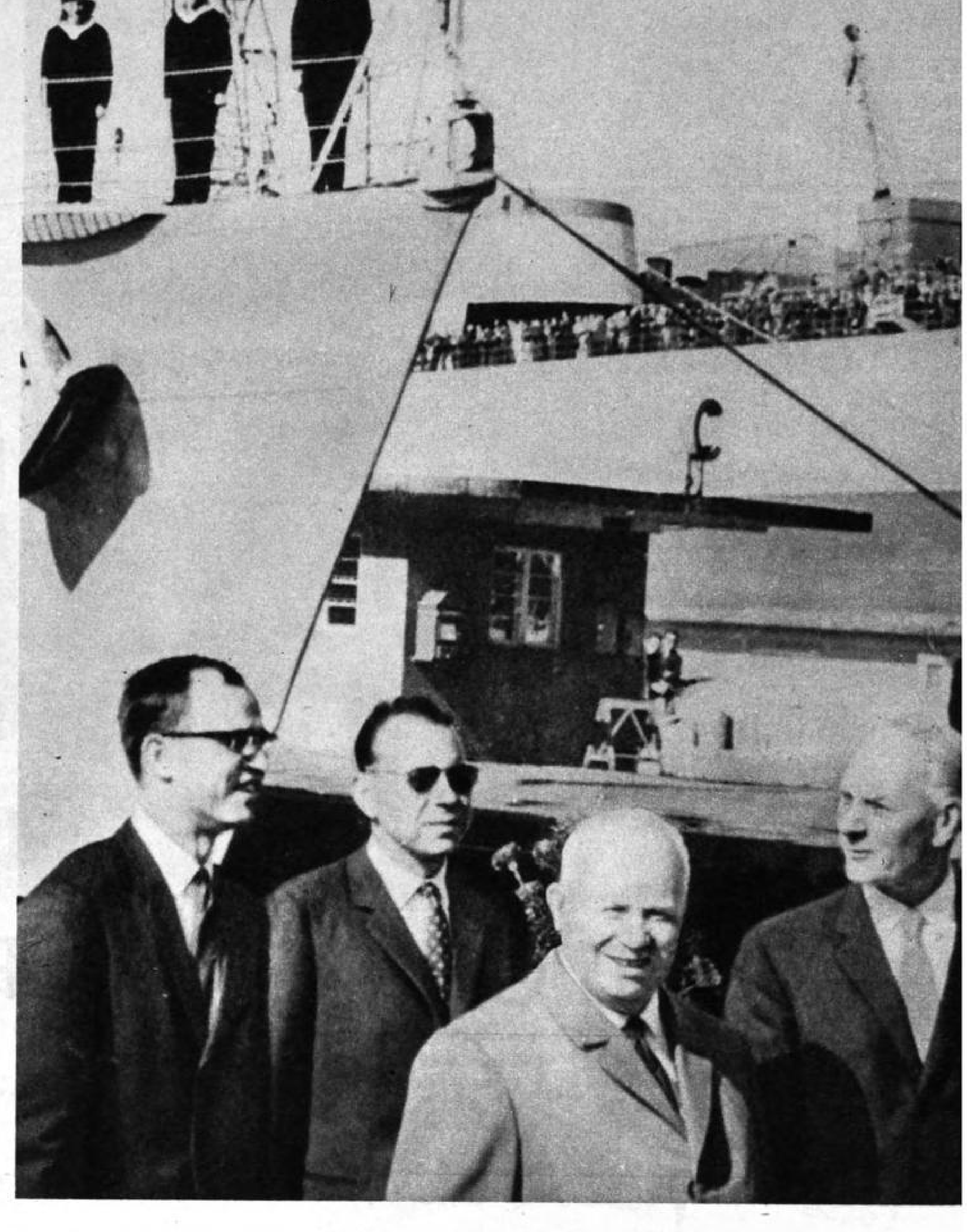
Фото ТАСС.

ТЕПЛОТА, СЕРДЕЧНОСТЬ, РАДУШИЕ

29 июня начался визит главы Советского правительства Н. С. Хрущева в третью скандинавскую страну — Норвегию. «Мы хотели бы,— сказал Н. С. Хрущев, ступив на норвежскую землю,— использовать эту нашу поездку в Норвегию для дальнейшего развития и улучшения добрососедских отношений между нашими странами, что, несомненно, пойдет на пользу делу мира на севере Европы».

Встреча главы Советского правительства Н. С. Хрущева в порту Осло. Справа — Премьер-Министр Норвегии Э. Герхардсен.

Жители Осло приветствуют Н. С. Хрущева на площади перед Народным домом.

В день своего прибытия Н. С. Хрущев нанес визит Премьер-Министру Норвегии Э. Герхардсену.

Фото ТАСС.

ТЕПЛОТА, СЕРДЕЧНОСТ

Древняя норвежская столица повидала немало гостей. Но редко кого Норвегия встречала с такой теплотой, сердечностью и радушием, как советского премьера Никиту Сергеевича Хрущева.
Визит товарища Н. С. Хрущева в страну фиордов широко освещала печать Норвегии. Мы связались по телефону с редакциями виднейших норвежских газет.

«АРБЕЙДЕРБЛАДЕТ»

К аппарату подошел внешнеполитический редактор Эрик Луэ.

— Как проходит визит Н. С. Хрущева в вашу страну, господин Луэ?

— Очень хорошо! Атмосфера в высшей степени сердечная. И хотя нет сообщений, когда и куда премьер Хрущев поедет, его ждут на всех улицах. Люди стоят всюду.

— Что пишет ваша газета о визите Н. С. Хрущева?

— В каждом номере мы даем статьи, корреспонденции и большие фоторепортажи о пребывании господина Хрущева в Норвегии. Кроме того, публикуем все речи.

«ФРИХЕТЕН»

У телефона корреспондент газеты Свен Сендруль.

— Каково отношение норвежской общественности к визиту Н. С. Хрущева?

— Подавляющее большинство норвежцев приветствует этот визит, видя в нем важный шаг к развитию добрых отношений между нашими странами.

На одной из улиц норвежской столицы.

После возложения венков к памятнику советским воинам.

В городской ратуше Осло. О ней рассказал мэр Б. Вулль.

ВО ИМЯ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

К. Г. РЕСИ,

норвежский журналист

Кульминационным пунктом визита была, по-моему, речь Премьер-Министра Хрущева в Народном доме — доме профсоюзов в Осло. Это было во вторник, 30 июня. Я, конечно, не собираюсь цитировать здесь отдельные места речи, она достаточно широко была прокомментирована в печати, но мне хочется подчеркнуть отдельные моменты, представляющие особый интерес для отношений Норвегии и Советского Союза.

Прежде всего не случайно, что в Народном доме собралась самая представительная аудитория, какую только может собрать Норвежский институт внешней политики. Среди публики были посланцы различных профсоюзов и трех рабочих партий, делегаты многих организаций. Билеты на эту встречу было достать не просто: всем хотелось видеть и слышать Премьер-Министра Хрущева. Норвежскую публику — самых разных людей — восхитило то, что Н. С. Хрущев так хорошо осведомлен об экономическом развитии северных районов Советского Союза. Особенно районов, граничащих с нашей Норвегией.

Его сообщение о том, что вскоре начнутся переговоры о новом строительстве норвежскими инженерами и рабочими еще одной гидроэлектростанции для Советского Союза, вызвало большой интерес у публики.

Выступление Премьер-Министра Хрущева в Народном доме не раз прерывалось бурными аплодисментами, когда он откровенно и объективно критиковал только что окончившиеся маневры стран НАТО на севере Норвегии, недалеко от советско-норвежской границы. Когда норвежский стортинг две недели тому назад обсуждал внешнюю политику правительства, то там тоже раздавались голоса, критикующие проведение этих провокационных маневров непосредственно перед визитом высокого советского гостя.

Убедительные заверения Премьер-Министра Хрущева в том, что Советский Союз желает иметь на севере границу мира, полностью соответствуют желанию норвежского народа и соответствуют духу нашего союзничества, возникшего во время войны против общего врага — фашистской Германии. Дружба, которая зародилась и окрепла тогда между Советским Союзом и Норвегией, жива. Визит Премьер-Министра Хрущева в Норвегию в значительной мере способствовал ее дальнейшему развитию.

Большое значение для развития дружеских отношений между СССР и Индонезией имел визит в Индонезию делегации Верховного Совета СССР во главе с А. И. Микояном.

На снимке: Президент Индонезии Сукарно и Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян во дворце Мердека.

Фото ТАСС.

Ь, РАДУШИЕ

— Что вы скажете о встрече Н. С. Хрущева с жителями Осло?

— Она произвела на меня, да и на всех, очень большое впечатление своей теплотой и дружелюбием. Время прибытия «Башкирии» не было сообщено заранее в газетах. Но тем не менее тысячи людей вышли приветствовать Хрущева и Нину Петровну. Что мне кажется особенно важным: прием был очень добрым и сердечным, а не формально вежливым.

— Что пишет ваша газета о визите?

— Мы дали в первом номере четыре полосы, посвященные Н. С. Хрущеву. Подробные репортажи даем и во всех остальных номерах. Визит советского премьера — событие № 1 на страницах норвежской печати. И характерно, что вся наша пресса, несмотря на различие мнений по многим вопросам, положительно оценивает этот визит. Пожалуй, кроме бульварной газетенки «Верденс ганг» да «Моргенбладет», пытавшейся организовать хоть какой-нибудь да скандал, все газеты сообщают о поездке выдающегося государственного деятеля Советского Союза весьма позитивно.

«ДАГБЛАДЕТ»

Наш собеседник — журналист Арне Фестенес.

— Как ваша газета оценивает визит Н. С. Хрущева?

— Мы опубликовали передовую статью, в которой приветствовали визит Советского премьера. Мы надеемся, что он послужит укреплению дружественных отношений между нашими соседними странами. Мы хотели бы, чтобы советский высокий гость получил доброе впечатление о норвежском народе, о его труде, о его миролюбии. Мы знаем, какой большой положительный вклад внес господин Хрущев в мирное развитие современной международной обстановки. Мы приветствуем его визит как знак того, что хорошие отношения между СССР и Норвегией будут еще дальше развиваться, а атмосфера в мире станет спокойнее и лучше.

Э. Герхардсен знакомит советских гостей с норвежской столицей.

РОЖДЕНИЕ ВОСЬМОГО ЧУДА

Человек привычно идет утром на работу. Идет под палящим солнцем пустыни по африканской земле. Место его работы — Асуанская плотина. А до этого он строил плотины на Волге и Ангаре. Зовут человека Василий.

Так начинается цветной документальный фильм «Восьмое чудо», выходящий вскоре на экраны страны. Этот фильм — яркий и правдивый рассказ о подлинно историческом, грандиозном и прекрасном событии в Асуане, рассказ о чистой и крепкой дружбе двух народов.

Не века, а тысячелетия боготворили египтяне могучий Нил. И как было не боготворить! Только он давал людям жизнь, только узкая береговая кромка цвела, плодоносила, кормила людей. А вся остальная земля — больше $^{19}/_{20}$ территории — раскаленная, мертвая пустыня, где не найти ни единой зеленой былиночки.

Освобожденный от вековых цепей человек перестал довольствоваться скудной милостью бога Нила. Он решил заставить его щедрее поить землю, досыта кормить детей феллахов, давать городам и селам электрическую силу для машин.

Не просто было покорить могучую реку, заставить ее свернуть с привычного пути. Но на помощь пришел верный друг — Советский Союз, пришел во всеоружии своей передовой техники, с огромным опытом гидростроительства. Самые лучшие кадры фильма — о живых и крепких узах братства, связавших арабских и советских строителей, о крепкой дружбе наших стран. И очень правильно поступили создатели фильма, напомнив, что эта дружба завязалась еще до Асуана. Выразительна чернобелая документальная лента о суровых днях империалистической интервенции 1956 года, когда Советский Союз решительно встал на защиту египетского народа.

Посмотрев документальный фильм, в полную меру представляешь значение и масштаб события. До конца удается прочувствовать ту не поддающуюся описанию теплоту, любовь и уважение, с какими был встречен Н. С. Хрущев в ОАР, особенно в самом Асуане, на празднике перекрытия Нила.

Удачно заснят момент взрыва перемычки и прорыва первых струй великой реки в новое русло. Незабываемая, потрясающая картина!

Автору сценария Г. Кублицкому, режиссерам М. Трояновскому и И. Сеткиной, операторам В. Воронцову, Г. Земцову, В. Киселеву и всем остальным создателям фильма зритель, несомненно, будет благодарен за радость стать очевидцем рождения асуанского восьмого чуда.

Л. СТЕПАНОВ

ЗРЕЮТ ХЛЕБА

В. ПАВЛОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

— Скажите, правда ли, что земля пахнет? Или врут в книжках?

Агроном Лидия Афанасьевна Крупко некоторое время смотрит на нас широко поставленными голубыми глазами, подыскивая подходящее слово. Крепкая, широкая в кости, гладко зачесанные волосы, а лицо загорелое, обветренное, как и у всех людей, подолгу бывающих под открытым небом.

— Не то что пахнет — говорит! — негромко, с подкупающей убежденностью отвечает наконец она.— Не верите? Что ж... Вы городские. У нас и на селе про это не все знают. А я вот выйду в поле и слышу! Весной земля под плуг просится. Летом хлеб подбадривает, чтоб рос поскорей!..

Мы встретились с Лидией Афанасьевной на полевом стане в одной из бригад совхоза имени Ленина, Калининского района, Саратовской области.

...Кто измерит, сколько сил надо приложить хлеборобу, чтобы вырастить добрый колос, чтоб не заглушили сорняки всходов, не побили их вредители, не растерялось бы зерно во время уборки? Но не только служебные заботы и ответственность зовут на рассвете в поле Лидию Афанасьевну и управляющего отделением Ивана Семеновича Нифонтова. С детства въевшаяся в сердце любовь к земле, особенно сильная сегодня, после тяжкого, неурожайного года, заставляет их радоваться хлебному морю.

Высоки нынче и густы — не продерешься! — хлеба на полях совхоза. Поспеет,— прикидывают уже механизаторы,— его не свалишь в обычный двойной валок, придется в одинарный. Не подвела бы техника. Не подведет!

Нифонтов приходит в мастерские ежедневно. Придирчиво осматривает каждый трактор, каждый самоходный комбайн, ощупывает цепи, шнеки, транспортеры, прослушивает моторы. От его глаза не укроется ни один плохо затянутый болт. Иван Семенович недавно сам работал на тракторе, стоял за штурвалом комбайна. Словом, если не считать войны, всю жизнь на земле.

Андрею Савельевичу Броилке восемьдесят два. Но дед еще крепкий, только в прошлом году вышел в отставку с поста совхозного бригадира. Его любимые поговорки:

— Дождь в мае к хлебу... А для урожаю рук не покладаю.

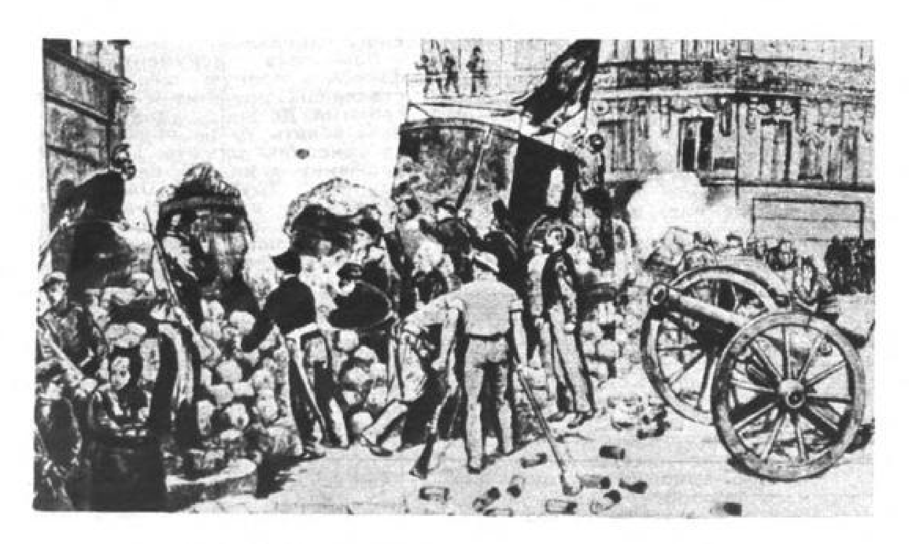
А люди в совхозе имени Ленина и не покладают рук. Это чудесные люди, своим нелегким трудом добывающие хлеб Родине.

У хлебного

— Ну как, сегодня борщ удался?

Защита баррикады на улице Ренн.

КОМПОЗИТОР НА БАРРИКАДАХ

Недавно, рассматривая в альбоме «Парижская коммуна» (Варшава, 1955 год) гравюру «Защита баррикады на улице Ренн», я обратил внимание на стоящего в центре человека. Он удивительно напоминал композитора Франсиско Сальвадора, каким описывали его мемуаристы. До сих пор не было найдено ни одного портрета Сальвадора.

...Одаренный юноша Франсиско под влиянием композитора Ф. Давида, сен-симониста, уезжает в Алжир, где, изучив арабский язык, записывает около четырехсот народных песен. Две из этих песен в обработке Сальвадора привез в Россию А. П. Бородин.

В 1865 году Сальвадор вернулся в Париж. Он возглавляет в газете «Марсельеза» музыкально-критический отдел, горячо борется за демократизацию искусства, верное направление которому, писал он, может дать только народ.

После падения империи Сальвадор — член ЦК 20 округов, а в канун Коммуны — ЦК национальной гвардии, участник октябрьского и январского вооруженных восстаний парижского пролетариата.

...Версальцы вторглись в Париж. Сальвадор руководит возведением баррикад на улицах Ренн и Вожирар.

Бой был неравным. Сальвадор и его товарищи были схвачены версальцами и расстреляны.

— Принимаю на себя ответственность за все, что было сделано,— это были последние слова героя.

И. ГИНЗБУРГ

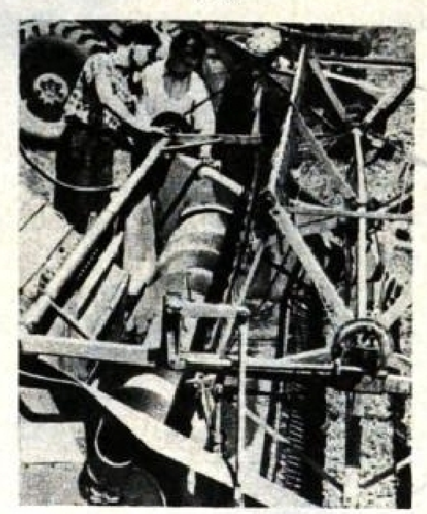
моря — агроном Л. А. Крупко, управляющий И. С. Нифонтов (справа), секретарь парткома Калининского колхозно-совхозного управления Г. Г. Сидоров.

И. С. Нифонтов.

На совхозной машинно-счетной станции.

Главный инженер совхоза В. Ф. Карабутов (слева) проверяет готовность комбайнов.

У механизаторов всегда страда.

БЛИЗНЕЦЫ—БОГАТЫРИ...

Меньше года прошло с тех пор, как из гигантского котлована был вынут последний ковш грунта. А теперь на этом месте во весь свой богатырский рост высится новая домна Магнитки — одна из самых мощных в стране. Почти на девяносто метров вознеслись величественные конструкции. Строители и монтажники обязались сдать домну в эксплуатацию в мае, на месяц раньше установленного правительством срока.

Недавно здесь побывали гости из Сибири — строители первой домны Западно-сибирского металлургического комбината. Новые доменные печи Магнитки и Ново-Кузнецка — близнецы. Сибиряки и уральцы соревнуются.

Один из близнецов — магнитогорский богатырь — уже в строю. На минувшей неделе получен первый чугун. Это шестнадцатая домна, воздвигнутая в нашей стране за годы семилетки.

А. ГРИГОРЬЕВ

Славится на стройке магнитогорской домны своей трудовой доблестью бригада монтажников Михаила Рубцова. Лучшие монтажники этой бригады — Виктор Кабаев и Николай Багрянов.

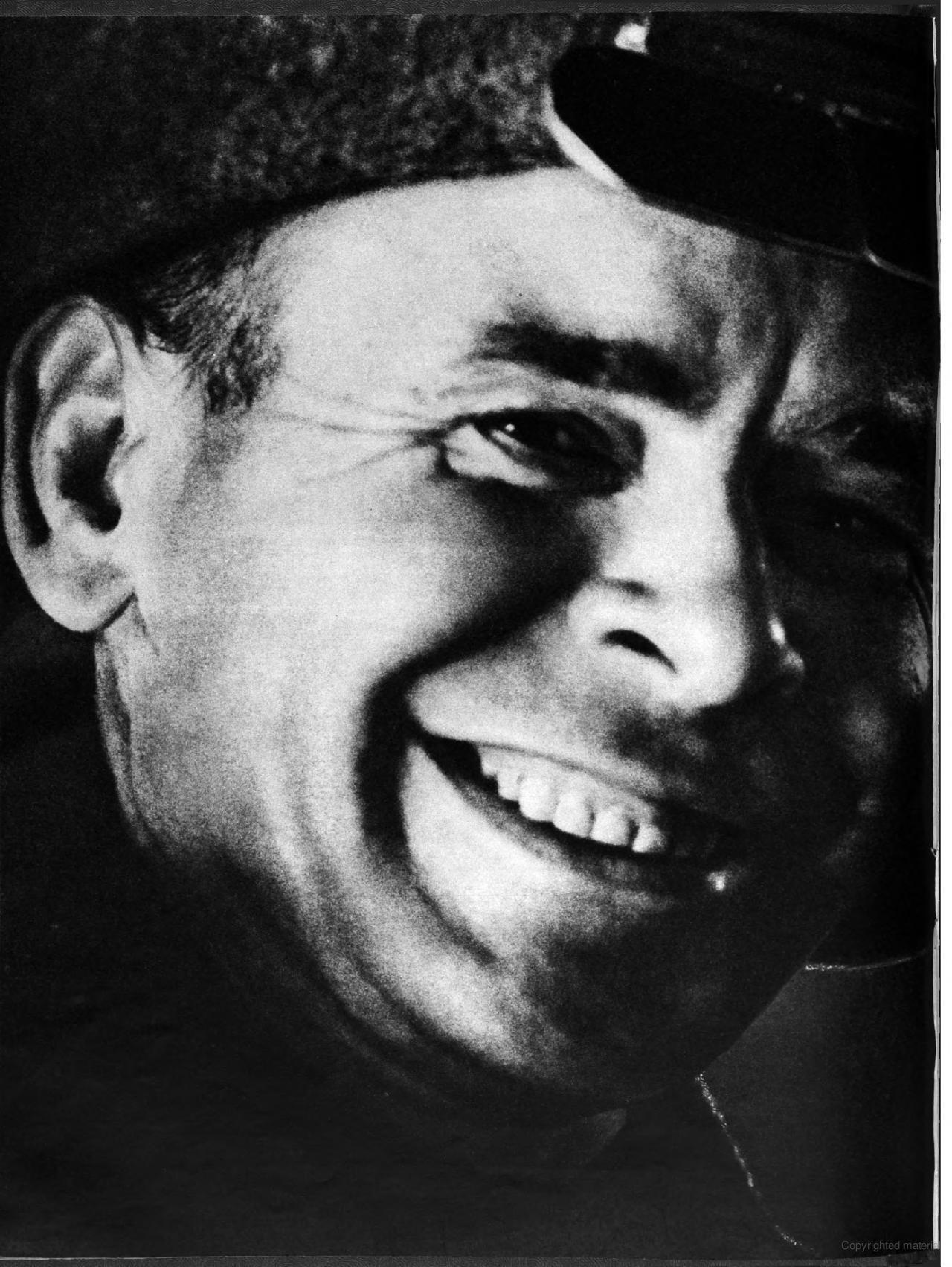
Фото А. Ходова.

ГРАН-ПРИ

Читатели «Огонька», вероятно, помнят отличные фотографии, которые наш корреспондент Геннадий Копосов сделал в Арктике. Они были опубликованы в журнале весной. А недавно в Берлине жюри фотоконкурса социалистических стран присудило молодому журналисту главную премию «Гран-при» за серию снимков о Советском Севере.

Каракумы и Эвенкия, Зеравшан и Камчатка... Из каждой командировки, дальней и ближней, Геннадий Копосов привозит работы, которые свидетельствуют о его пытливости, неутомимости и умении видеть мир по-своему, свежо и интересно.

В дни войны и мира

П. М. МАШЕРОВ,
секретарь ЦК КП Белоруссии

3 июля трудящиеся Белоруссии отметили двадцатилетие освобождения своей земли от фашистских оккупантов.

«Белорусский народ продемонстрировал непреклонную решимость отстаивать социалистический строй, родную землю, свою независимость. Более одного миллиона белорусов вступило в ряды Советской Армии, а на временно оккупированной территории Белоруссии развернулась всенародная партизанская борьба с гитлеровскими захватчиками. Отважные народные мстители вместе с доблестными воинами Советской Армии вписали славные страницы в летопись Великой Отечественной войны»,— так оценил Никита Сергеевич Хрущев вклад белорусского народа в общее дело изгнания гитлеровских захватчиков.

Двадцать лет!

Этого достаточно для того, чтобы выросло целое поколение счастливых людей, которые о войне знают только по рассказам старших, по книгам и кино. И вместе с тем это не так уж много. Еще очень свежа в памяти героика непримиримой борьбы, которую вел свободолюбивый народ Белоруссии.

Константин Заслонов, Вера Хоружая, Николай Гастелло, Батька Минай — сколько их, отважных сынов и дочерей земли белорусской, имена которых воскрешают легендарные страницы беззаветного служения народа своей партии и Родине!

Брестская крепость, Минское партийное подполье, знаменитая «рельсовая война» белорусских партизан, обольские молодогвардейцы... Одно только упоминание десятков и сотен примеров коллективного подвига рождает эпические картины массового, истинно народного героизма.

Язык цифр принято считать сухим и черствым. Но цифры звучат громко и выразительно, когда в них отражены доблесть и патриотизм народа.

373 тысячи человек сражались в 1 108 партизанских отрядах. Кроме того, более 70 тысяч патриотов боролись в подполье.

Сотни тысяч! И каждый с благородным сердцем народного мстителя наносил разящий удар по врагу. А сколько таких, кто не назывался ни партизаном, ни подпольщиком, а просто при первом удобном случае бил гитлеровцев, где мог и как мог, изо дня в день! Земля горела под ногами поработителей.

К концу 1943 года более половины территории Белоруссии, по существу, находилось в руках партизан. Там не только были изгнаны оккупанты — там работали органы Советской власти и действовали родные советские законы и порядки.

Партизаны Белоруссии тесно взаимодействовали с народными мстителями Российской Федерации, Украины, Литвы и Латвии. Жгучая ненависть к гитлеровским захватчикам привела в наши белорусские леса поляков, словаков,

Знатный сталевар Минского автомобильного завода, бывший партизан, депутат Верховного Совета Белорусской ССР Дмитрий Иванович Барашкин.

Фото Д. Ухтомского.

чехов, болгар, сербов, хорватов, французов, венгров, немцев и представителей других народов Европы.

Организатором и руководителем всенародной борьбы в тылу врага был один из боевых отрядов КПСС — Коммунистическая партия Белоруссии. Подпольные партийные комитеты и организации работали во всех областях и районах республики. В партизанских подразделениях и подпольных парторганизациях самоотверженно боролось около ста тысяч коммунистов и комсомольцев.

В июне — июле 1944 года Советская Армия нанесла сокрушительный удар немецко-фашистским войскам в Белоруссии и полностью освободила республику от врага. В памяти поколений никогда не померкнет этот подвиг советского народа и его доблестной армии.

В Белоруссии фашисты уничтожили свыше 2 200 тысяч советских граждан, более 380 тысяч угнали на запад, на каторгу. Гитлеровцы разграбили все народное хозяйство республики. Около трех миллионов человек лишились крова.

Казалось, понадобятся многие десятилетия, чтобы на истерзанную войной, залитую кровью белорусскую землю, являвшую собой гигантское пепелище, вернулась жизнь. Так и случилось бы, не будь республика в братском союзе социалистических наций, в составе могучего Советского государства.

Опираясь на огромную помощь народов Советского Союза, трудящиеся Белоруссии в кратчайший срок подняли из пепла и руин города и села, обеспечили быстрый подъем народного хозяйства.

Что же дало белорусскому народу мирное двадцатилетие?

Республика, население которой составляет меньше одной двадцать пятой части населения СССР, теперь производит каждый шестой трактор в стране, каждый десятый металлорежущий станок, каждый шестой мотоцикл, без малого пятую часть общесоюзной добычи торфа, десятую долю выпуска льняных тканей.

Построены такие широко известные предприятия, как Минский и Белорусский автомобильные гиганты, тракторный, подшипниковые, мотовелосипедный, моторный заводы, завод автоматических линий, предприятия станкостроительной, радиотехнической и других отраслей промышленности.

О темпах нашего роста говорит такой факт: за последнее десятилетие выпуск валовой продукции промышленности Белоруссии увеличился в 3,2 раза.

Серьезные трудности пришлось преодолеть сельскому хозяйству республики. По-боевому развернулась борьба за подъем сельского хозяйства Белоруссии после исторического сентябрьского (1953 год) Пленума ЦК КПСС. За истекшее десятилетие в колхозах и государственных хозяйствах производство мяса увеличилось в 2,5 раза, молока — в 4,5, яиц — в 6,8 раза.

По числу студентов в расчете на 10 тысяч человек населения Белоруссия далеко обогнала Федеративную Республику Германии, Бельгию, Францию, Австрию, Италию и другие страны капитализма.

Вот какая нынче наша Белоруссия!

Чем же объясняется столь быстрый рост хозяйства и культуры, особенно за последнее десятилетие?

Прежде всего нынешняя жизнь Белоруссии отмечена теми огромными переменами, которые с 1953 года преобразили жизнь всей страны в целом. Исторические решения XX, XXI, XXII съездов партии, величественная Программа КПСС, восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни раскрыли перед трудящимися республики необычайно широкие горизонты, вызвали небывалый подъем политической и трудовой активности народа. В этом и кроются причины того, что именно в последнее десятилетие белорусский народ достиг столь значительных успехов во всех областях жизни.

Как боевую программу действия восприняли трудящиеся республики решения декабрьского (1963 год) Пленума ЦК КПСС. Белоруссия становится краем большой химии. В прошлом году дали первую продукцию новые гиганты химической индустрии — Солигорский калийный комбинат, Гродненский азотнотуковый и Полоцкий нефтеперерабатывающий заводы. Введены в действие Могилевский и Бобруйский регенератные заводы. Созданы новые химические производства и на других предприятиях. В самом недалеком будущем Белоруссия будет крупным районом развитой химической промышленности.

На передовых рубежах великой коммунистической стройки трудятся бывшие воины и партизаны, те, кто своей кровью завоевал счастье свободного мирного труда.

Кому в стране не известно, например, имя героя Великой Отечественной войны Кирилла Прокофьевича Орловского, прославившего себя и на мирном фронте — в колхозном строительстве! Золотые Звезды Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, сияющие на его груди, наилучшим образом подтверждают преемственность воинской и трудовой доблести.

Великолепных трудовых успехов добился сталевар Минского автозавода бывший партизан Дмитрий Иванович Барашкин. Его заслуги и в ратном деле и в мирном труде нашли признание народа: Д. И. Барашкин избран депутатом Верховного Совета БССР.

Отмечая двадцатилетие освобождения Белоруссии, трудящиеся республики с любовью чтят верных сынов и дочерей советского народа, павших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. Лучшим памятником им являются солнечные кварталы возрожденных городов, новые улицы деревень, могучие корпуса фабрик и заводов, огни электростанций, молодые сады.

Белорусский народ, прошедший суровую школу борьбы за честь и независимость Родины, познавший радость освобождения и счастье созидательного труда, высоко ценит мир и дорожит им, он активно поддерживает миролюбивую политику партии и Советского правительства.

Прекрасна нынче наша Белоруссия, прекрасна своей напряженной трудовой деятельностью, своим обновленным обликом, своими сынами и дочерьми, горячими патриотами Родины, вдохновленными величественной программой строительства коммунизма в нашей стране.

АВИАЦИОННЫЕ АКРОБАТЫ

Алексей ГОЛИКОВ

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

«Колдун» — матерчатый конус на мачте — то безжизненно повисает, то вытягивается параллельно земле. Ветер сильный, порывистый, но на аэродроме спортивного клуба ДОСААФ Украины «Чайка» идут полеты.

Четыре самолета в строю «ромб» выполняют сложный пилотаж. Они делают петлю Нестерова, крутую горку. На вершине ее «ромб» распадается, и самолеты, перевернувшись на спину, вытягиваются в кильватерную колонну. Закончив упражнения, летчики попарно идут на посадку.

Вот они перед нами, эти замечательные мастера. Михаил Горев, Сергей Щур, Виктор Соловьев слушают замечания своего ведущего — мастера спорта, заслуженного тренера республики Бориса Васина. Это опытные авиационные акробаты. Но что такое авиационная акробатика? Васин — начальник летной части спортивного клуба — рассказывает нам:

— Акробатика — это усложненный высший пилотаж. Спортсмен выполняет такой замысловатый комплекс фигур, какого не делает даже летчик-истребитель. Воздушному акробату приходится испытывать очень сильные и переменные по величине и направлению перегрузки. Бывает так, что семикратная положительная перегрузка переходит в четырехкратную отрицательную. Это требует от спортсмена исключительной тренированности, высокого мастерства.

— А каковы успехи наших летчиков-акробатов на мировой арене?

— Советские спортсмены—одни из сильнейших, но на чемпионате мира в Будапеште они встретились с достойными соперниками. Например, с чехословацкими летчиками. Их страна — родина воздушной акробатики. Сильны и польские спортсмены. Мне довелось быть участником этих интереснейших состязаний. Претендентами на победу считали нашу команду и команду Чехословакии, а оказались на первом месте, как это часто бывает при равной борьбе, венгерские летчики! Мы же заняли второе место.

Но в этом году наши ребята надеются взять реванш. Спортивные самолеты конструкции Яковлева, на которых мы летаем, отличные, с такой техникой можно, как говорится, дерзать. Да вы сейчас сами увидите. Смотрите, что на этих машинах будут делать Воловень и Мосейчук.

И пока два самолета набирали высоту, наш собеседник познакомил нас вкратце с удивительным мастерством двух летчиков.

Владимир Воловень и Михаил Мосейчук первыми в мире выполнили в паре петлю Нестерова в положении голова к голове. Вскоре после того как сообщение об этом облетело печать, в адрес авиационно-спортивного клуба пришло письмо от дочери знаменитого русского летчика Маргариты Петровны Нестеровой. Она поздравляла двух авиационных акробатов с высоким достижением, восхищалась их мастерством, благодарила за то, что этот полет совершен в городе, где поручик Нестеров некогда выполнил свою первую «мертвую петлю».

Слушая этот рассказ, мы наблюдали за двумя самолетами. Теперь они летят по прямой, один над другим,—Мосейчук, а под ним Воловень. Блеснув на солнце крылом, верхний самолет переворачивается на спину... Короткий разгон — и машины круто лезут вверх, к легким перистым облакам. С земли кажется, будто они соприкасаются килями. Внешнюю петлю выполняет Воловень, а внутреннюю — Мосейчук. Вслед за первой петлей летчики выполняют вторую, третью...

Да, чтобы так летать, необходимо чувствовать себя как бы близнецами! И действительно, Володя Воловень и Миша Мосейчук знают друг друга с детства. Они росли на одной улице в Киеве и в школе сидели за одной партой. Вместе увлекались полетами и учились летать. А после войны оба расстались с авиацией. Миша вернулся к прежней профессии — поступил работать шофером, а Володя стал печатником. Дружили по-прежнему, встречались каждый день, но, по безмолвному уговору, не вспоминали о полетах, считали, что с этим увлечением покончено навсегда.

И вот однажды друзья пошли в кино. Перед началом сеанса Миша сказал, что днем проезжал

Полет «Голова к голове» — снимок сделан нашим фотокорреспондентом Юрием Кривоносовым из кабины одного из самолетов, выполнявших редкий пилотаж.

Последние наставления...

Летчики-инструкторы, заслуженные тренеры республики М. П. Мосейчук и В. М. Воловень.

мимо спортивного аэродрома. Летают ребята, и неплохо... Володя ничего не ответил, будто не слыхал. Но когда сеанс кончился, спросил: «Пилотаж делали?»

А на другой день Миша после работы зашел за приятелем, чтобы ехать на аэродром. Володя уже ждал его. «Мы только посмотрим, что там делается»,— словно оправдываясь, сказал он.

Друзья посмотрели, как летают, сами полетали, да и остались там работать летчиками-инструкторами. Словно после долгой разлуки в отчий дом возвратились.

— А долго ли вы готовили свою петлю?— спрашиваем мы летчиков, когда они, приземлившись, пришли на старт.

— В общей сложности два года,— отвечает Мосейчук.— Володя был в Москве, и на авиационном празднике вместе с минским спортсменом выполнял виражи в положении голова к голове. Вернулся домой и мне предложил попробовать петлю Нестерова сделать так же — голова к голове. Вот мы и стали пробовать.

Заслуженный тренер Борис Васин разбирает групповой полет.

— А как?

— Всю подготовку разбили как бы на составные элементы. Отрабатывали их по очереди, переходя от простого к сложному. С каждым полетом Володя стал подходить ко мне все ближе и ближе. И вот настал день, когда в полете по радио я услышал его голос: «Иду под тебя». Так впервые голова к голове мы прошли по прямой. А потом стали делать виражи, сначала мелкие, а потом все более глубокие, пока не получилась петля. Теперь ее и отрабатываем.

— Петля «голова к голове»,— вступает в разговор Борис Васин,— это ювелирный пилотаж. Но для чемпионата мира этого мало. Участникам розыгрыша первенства мира предстоит выполнить над центром летного поля три упражнения, состоящие из фигур высшего пилотажа, в прямом и перевернутом полете.

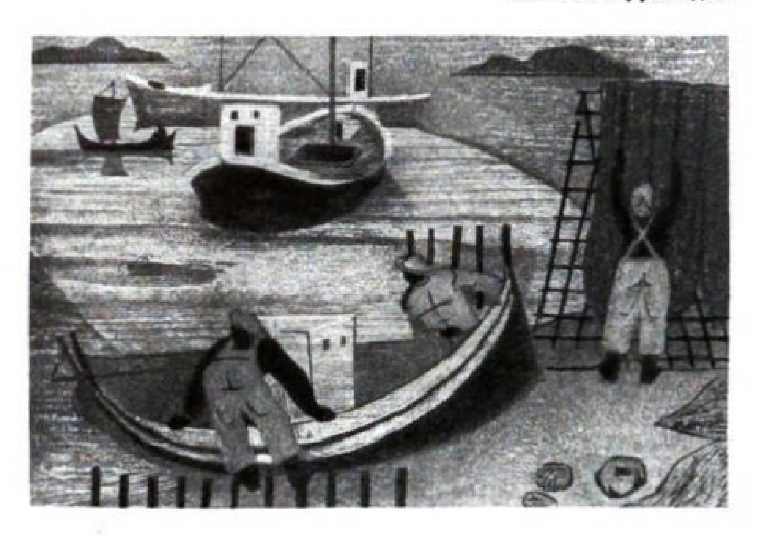
Самолетным спортом у нас занимаются во многих городах. Абсолютный чемпион страны — Владимир Пискунов — москвич, чемпион СССР Вадим Овсянников — минчанин. Кстати, это с ним Володя Воловень выполнял в Москве вираж в положении «голова к голове».

На чемпионат мира поедут, конечно, наши лучшие спортсмены. Будем надеяться, что среди них окажутся близнецы из аэроклуба «Чайка».

Хенрик Финне. «Посадка картофеля».

Познакомьтесь с норвежским искусством

«Рыбаки Нурланда».

Фрогнер-парк жители норвежской столицы часто называют парком Вигеланда. Знаменитый норвежский ваятель Густав Вигеланд этому парку отдал 40 лет жизни и творчества; он спланировал парк и украсил его десятками скульптур. Прогулка по Фрогнер-парку — это всегда путешествие в мир прекрасного.

Четко читаются ритмично расставленные бронзовые, необычайно динамичные фигуры. Отец подбрасывает малыша; мать устремилась за ребенком, и ветер безжалостно треплет ее волосы; бегут сильные, крепко сложенные мальчишки, открывая щедрые объятия солнцу... Шесть могучих гигантов держат чашу бронзового фонтана.

Вознесся к небу семнадцатиметровый, из серого гранита монолит. В нем компонуется сто пятьдесят колоссальных фигур — плод огромного труда большого мастера, вместе с которым 15 лет трудились три талантливых каменщика — датчанин, норвежец и швед.

Эту самую грандиозную свою работу Вигеланд делал во время немецкой оккупации Норвегии. Темой этих скульптур стало утверждение жизни, борьба за нее.

* * *

Для национальных школ скандинавских стран гравюра — очень молодое искусство. Позже всех эта техника пришла в Норвегию. То, что она обрела там национальную почву, заслуга Эдварда Мунка, этого большого живописца и графика, имя которого прочно вошло в историю изобразительного искусства Норвегии и стало всемирно известным. И сейчас гравюра — наиболее интересный вид современного искусства Норвегии.

П. Р. Гоген, В. Тветерас, Х. Киле, С. Винге, Х. Финне — все эти художники работают как граверы.

Сегодня мы знакомимся с Хенриком Финне, который представляет старшее поколение норвежских мастеров. Живописец и скульптор, он с 1940 года увлекается графикой, сейчас работает только в цветной гравюре на дереве. Ксилографии «Рыбаки Нурланда» и «Посадка картофеля», созданные в 50-е годы, характерны для творчества художника.

Тема его искусства — окружающая жизнь; он рассказывает о родной природе, о своих современниках, о красоте и силе труда простого человека.

Художник любит обобщенные формы, интенсивные сине-коричневые цветовые пятна.

Глубоко демократичное искусство Х. Финне хорошо известно в скандинавских странах.

Его произведения хранятся в музеях Осло и Бергена, Стокгольма и Гётеборга, в Гааге и у нас в Советской стране. Художник был неоднократно гостем советского народа и долгое время возглавлял Общество дружбы «Норвегия — Советский Союз».

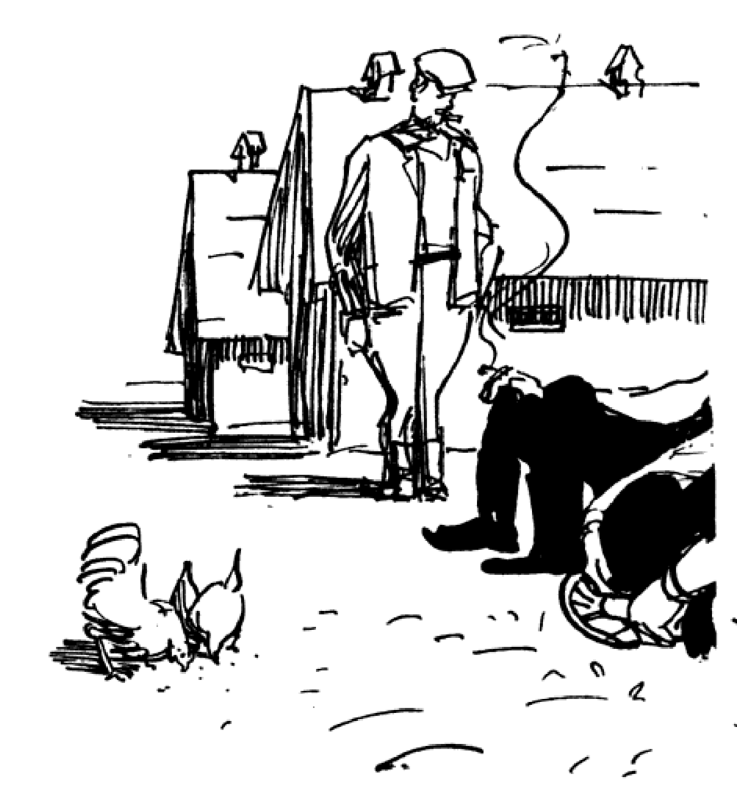
М. БЕЗРУКОВА

Скульптуры Вигеланда из Фрогнер-парка.

Три мушкетера из Сухих Млинцев

Юмористическая повесть

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

XIII

В старину говорили: все дороги в Рим ведут. В Сухих Млинцах все дороги в бригадный дом ведут. Там сидит бригадир Роман Пулейко. Но он очень мало там сидит; больше всего бригадир бывает на фермах, на строительстве, в поле.

Сейчас Пилип Одудько идет в бригадный дом,— ведь все дороги туда ведут.

А что, собственно, из этого получится, если он выйдет на работу, если возьмется за топор и начнет свинарник строить? Может, конечно, кое-кто и посмеиваться будет — есть еще такие несознательные, скажут: ага, взялся-таки за ум. Пришел!

Конечно, заработки не те, что в городе. Там халтура — сколько загнешь, столько и отвалят тебе. Мастеров-то нет, а строиться многим хочется. Но дома все же лучше. Хата своя, жена своя, детки свои: старшая в десятом, меньшая в восьмом. Им отец нужен. Не в заработках дело.

Две недели ждал Пилип Одудько, все думал, не сегодня-завтра Роман Пулейко непременно прибежит упрашивать, чтобы к работе приступил. Свинарник ведь строят! Но нет, не пришел. Все делают вид, что им безразлично, живет ли на свете Пилип Одудько, лучший плотник, или, может, его вообще нет. А строить новую ферму в Сухих Млинцах все равно необходимо. А как же! Государству мясо нужно! Роман Пулейко опять разошелся: гусей, говорит, надо разводить, корма-то дармовые — рядом Многа и сколько хочешь озер. А там ряски и головастиков не меньше, чем чертей в аду. Поедят их гуси и утки, нам же спокойнее: не будут по вечерам лягушки квакать, хоть из села беги.

Пускай гусей и уток разводят. Ему что?

Может, и не шел бы Пилип Одудько в бригадный дом, может, он бы посидел еще дома и подождал, пока Роман Пулейко все же соберется агитировать, но до него дошел слух, что между Романом Пулейко и Максимом Дыней произошел такой разговор.

— Хороший плотник возвратился к нам, но отсиживается дома.— Это как будто сказал председателю Роман Пулейко.

А председатель как будто ответил:

— Если пойдет работать, пускай живет. А нет — из колхоза исключим.

А бригадир как будто так ответил председателю:

— Это муж Евдохи Одудько. Как же его исключить, когда она маяк?

Говорят, задумался Максим Дыня. Что делать с этим Пилипом Одудько, мужем маяка? А затем сказал, словно камень бросил:

— И почему это так бывает: такая женщина, а такого мужа имеет? Вот что! Как она решит, так и будет. Спроси у нее.

Как бы не так! Он будет сидеть и выжидать, пока у жены спросят, точно не он глава семьи, а она. Язык у нее не на привязи, она что угодно может сказать. Ляпнет, мол, ей такой муж не нужен — и все. Она хоть и прижимается к нему по ночам, целует и ласкает, а все же сказать может.

Что ж, придется бить челом: примите на работу. Кое-кто, может, и вспомнит: когда-то он сказал, что ничего из этого не получится. Но, может, уже забыли, что он говорил. Однако вряд ли забыли, что он целых пять лет халтурил в городе и в колхоз приезжал как дачник. Это будут долго помнить.

Около бригадного дома в тени примостился на корточках Мартын Кныш. Солнце печет, вот он и забрался в холодок.

— Здоров був, Мартын!

— Здоров.

— Как дела?

— Да ничего.

— Закурим?

— А у тебя есть?

— Есть.

Закурили «Север», затянулись дымом. Пилип Одудько тоже присел на корточки, спиной к прохладной стене прислонился.

— Ты зачем сюда, Пилип?

— Да так.

— Скажи уж, чего там. На работу проситься или, может, снова на вылет из села?

— Налетался, хватит уже. Евдоха-то у меня маяк, дети растут...

— Говорят, она тебе не очень-то и рада.

— Кто говорит? Ты только слушай, не то еще наговорят.

— Это верно, у нас поговорить любят.

— Там уж видно будет, рада или нет. Где Роман?

— Бумажки пишет, наряды.

— Тоже новинку завел.

— Говорят, что у него теперь, как на заводе: выписывает наряд на целую неделю. Там и норма указана и заработок в деньгах записан.

— Да, дела. И заработок, говоришь?

— И заработок. Говорит, если за пять дней выполнишь наряд, шестой день твой — возись на огороде. А если норму перевыполнишь, опять же надбавку в деньгах получишь. Вот какие, брат, дела. Все в этой бумажке, как на ладони. Ясно и понятно.

— Ну, а ты как? Все торгуешь?

— Наторгуешь, как же! Был вот на рынке, карасей носил. Думаешь, продал? В милицию угодил. Говорят, браконьер. Это я-то браконьер! Еще в колхоз звонили, спрашивали, сколько трудодней у такого-то товарища. Дело известное, сказали, сколько у меня трудодней. А я что? Я же честно ловлю и людям продаю. Пускай едят. Будешь в курсе, когда кругом такая жизнь пошла. Карасей — и то не продашь.

— Выходит, бросишь торговать?

— Хе, чудак! У меня там постоянные дамочки есть. На дом им носить буду. Они, дамочки, карасей этих любят.— Мартын Кныш бросил папиросу и со злостью добавил: — Это я-то браконьер! Тьфу!

Он поднялся, притоптал ногой папиросу, чтобы, не дай бог, не загорелся дом, в котором Роман Пулейко сидит сейчас и выписывает наряды. Чтобы все было, как у рабочих: работай и знай, какие у тебя заработки будут. А я, бригадир, больше не буду под окнами носиться и на работу звать. Я тоже человек. Мне надоело дергать себя за бородку и ругаться. Дал наряд — работай.

Пилип Одудько поднялся.

— Ну, пойду к нему.

— Да, конечно, так и пойдешь. Дед Терешко стоит в дверях и никого не пускает. Каждому разъясняет — так, мол, и так, нельзя: заняты, пишут. Приходите после обеда. Вот, брат, какие у нас дела, как на заводе.

Онуфрий Каленик не спеша плелся к бригадному дому. Куда же еще пойдешь в Сухих Млинцах? Все дороги сюда ведут.

С тех пор как по селу прошел слух, что тунеядцев будут выселять — закон есть! — Онуфрий Каленик похудел, осунулся и вообще утратил свой бодрый вид. Он даже за международными событиями перестал следить, и его нисколечко не взволновал слух, что американцы собрались взорвать атомную бомбу в космосе, а бомба эта упала в океан. И еще неизвестно, взорвется она или так и будет лежать на дне и рыбу пугать. Об этом можно было бы говорить целую неделю, а Онуфрий Каленик даже словом ни с кем не перебросился по этому поводу. Ему все время мерещится тайга. Однажды ему даже такое приснилось: он идет тайгой, обнявшись с медведем, и целуется с ним, а медведь просит, чтобы он от него никуда не уходил.

Онуфрий даже вспотел от такого сна. Не иначе, думает, как сбудется: вышлют, а там изволь с медведями обниматься и лес валить. Даже Оришке не рассказал. Самому приснилось, сам и переживай.

Нет, он совсем не приспособлен лес валить. Он прослойка. И не желает из села своего

Окончание. См. «Огонек» №№ 24—27.

родного, из Сухих Млинцев, ехать на край света и не поедет. Уж лучше Роману Пулейко в ноги поклониться. Что угодно — лишь бы не тайга и не медведи. Пускай уже тот валит лес, кто перевоспитываться не может, кто настоящий тунеядец. А он просто так — прослойка. Оришка во всем виновата: приучила, чтобы дома сидел и на других молодиц смотреть не смел. А зачем ему эти молодицы? Своя же есть. Не очень, правда, лицом выдалась, но для него Оришка, может, самая красивая. Это другие не знают, до чего она хороша, его Оришка. Ну нет, ни на каких медведей он ее не променяет.

— Аль здоровы? — спрашивает Онуфрий Каленик, умащиваясь на корточках рядом с Мартыном Кнышом в холодке под стеной.

— Да живем,— отвечает Мартын Кныш.— А ты как?

— Как видите. Пока что тоже живой. Что нового слыхать? Зачем это вы здесь?

Ответил Пилип Одудько:

— Да вот, к Роману же.

— На работу становиться или как?

— А как же, разумеется.

— Да-а-а!

Помолчали, закурили «Прибой», затем Онуфрий Каленик подумал вслух:

— Да-а-а-а, дела пошли! Или к медведям, или в колхоз. А мне куда же идти?

Помолчали. Затянулись дымом.

— В рядовые,— посоветовал Пилип Одудько,— в конторе и без тебя писак хватит.

— Оно, конечно, так, есть кому писать, — соглашается Онуфрий Каленик,— писателей теперь повсюду много развелось, была бы бумага. Думал в пастухи попроситься, так не нужны теперь пастухи. А все Роман придумывает. Разделил выпас на квадраты, да так, что каждый на Многу выходит. Вот скот сам и пасется. Тут вытопчет — туда перегонят, там вытопчет — на третий квадрат. А когда до шестого квадрата дойдет, на первом уже трава поднимается. Вот так-то.

Снова помолчали. В холодке приятно разговаривать, но еще лучше молчать.

— А ты куда метишь? — спросил Онуфрий Каленик Мартына Кныша.— Или думаешь, как и раньше, карасей ловить?

— Ловить буду, — отвечает Мартын Кныш,— и дамочкам разносить.

Отвечает-то он так, а у самого кошки скребут на сердце. Все думают, что жизнь у него хорошая, а он мечтает на ферму устроиться, к кнопке. Нажимай себе, а в конторе тебе денежки идут. Нажимай и ни о чем не думай. Жизнь! Все так, как говорила красивая лекторша, которой он тогда хлопал. Но не скажешь же им: смеяться будут.

Роман Пулейко вышел из конторы, сощурил глаза — солнце-то какое! — и решил: сейчас надо пообедать, а затем на ферму, или нет, сейчас он пойдет на ферму, а затем обедать. С того дня, как начал действовать автомат, Роман Пулейко по нескольку раз на день бегает на ферму. В Сухих Млинцах автоматика! Он приходит и сам нажимает кнопку. Это не потому, что не доверяет Горпине Горюн. Такой женщине можно не то что ферму доверить — ей государство можно доверить. А кнопку он приходит нажимать потому, что это же его изобретение. Ну, конечно, помогли инженеры из сельхозуправления, и на заводе рационализаторы советы давали. Но первая мысль у него возникла.

— А, три мушкетера! Здоровеньки булы! Ну, как живете-поживаете? — Роман Пулейко подошел и каждому руку подал, а глаза его так и смеются.

Посмотрел на бригадира Пилип Одудько и говорит:

— К тебе пробиться не так просто. Деда Терешка поставил.

— А как же! Надо и нам немножко бюрократию разводить. Ну, что за спешное дело у тебя? Говори.

— И говорить нечего. Куда на работу идти?

Роман Пулейко не стал себя дергать за бородку, он погладил ее, точно это не бородка, а маленький рыженький котенок.

— Ферму строить иди. Значит, надумал?

— Надумал.

— Не иначе, Евдоха тебе помогла думать?

— Без помощи обошлось. Так я выйду завтра.

— Выходи, выходи! Наряд я потом выпишу.— Роман Пулейко посмотрел на Онуфрия Каленика, Мартына Кныша и улыбнулся.— Выходит, теперь только два мушкетера остаются? Или, может, вы тоже что-нибудь надумали? Так говорите уже.

— Можем сказать,— промолвил Онуфрий Каленик.— Вот меня, например, куда ты поставишь?

Бригадир задумался на одно лишь мгновение. Честно говоря, он и не надеялся, что такой закоренелый мушкетер, как этот Онуфрий Каленик, возьмется когда-нибудь за работу.

— Куда же тебя? Руки повсюду нужны. Пойдешь в дорожное звено, ну а там видно будет. Как, подходит?

Дорожное звено? Это весь день на солнце, это лопата, кирка и железные грабли.

— А может, что-нибудь другое найдется? Я же грамотный.

— У нас неграмотность давным-давно ликвидирована,— пояснил Роман Пулейко.

— Оно-то, конечно, так,— согласился Онуфрий Каленик.— Ладно, записывай в дорожное. Только временно. И мне наряд будет или как?

— Будет, завтра получишь. Но в контору не приходи, сам принесу,— отвечает Роман Пулейко и смотрит на Мартына Кныша.— Ну, а ты как? Или один останешься? А то с Калеником и выходи завтра.

Нет, такого Мартын Кныш не ожидал. Чтобы он — да в дорожное звено? Дураков нет. Думает, если канаву рыл, то и к лопате уже привык? Не пойдет он в дорожное звено: оно от кнопки слишком далеко.

— Подожду еще.

Роман Пулейко рассердился:

— Гляди, Мартын, как бы хуже не было. Один ты остаешься. И не даешь нам возможности бороться за село коммунистического труда. Когда-нибудь пожалеешь, что не пошел в дорожное звено.

Разошлись. Роман Пулейко — на ферму, Пилип Одудько и Онуфрий Каленик — в чайную. Известное дело, им выпить надо: старая жизнь кончилась, новая начинается.

А Мартын Кныш вновь примостился на корточках в тени под стеной и закурил. Долго сидел Мартын Кныш в холодке. Вот уже вечереет, солнце садится за левады, с поля возвращаются трактористы — вторая смена заступила. Кукарекнул и затих петух — ему никто не ответил.

Еще вчера Мартын Кныш решил сказать бригадиру, чтобы на ферму послал. На кнопку нажимать? Нет, навоз вычищать. Работа, конечно, не ахти какая интересная, а все же на ферме. И рядом с тобой Горпина Горюн. Так нет же, дознался Мартын Кныш, что Роман Пулейко надумал пожарной машиной вычищать навоз: наведут брандспойт и смывают. Свиней выгоняют на моцион, а сами смывают. Механизация!

Не кукарекает больше петух. Вечереет. Петухи уже на насест пошли. Где-то кто-то запел «Подмосковные вечера». Все тени слились в одну. А Мартын Кныш все еще сидит под стеной и курит. Не хочется ему в свою хату идти.

XIV

В жизни — что на ниве просторной, хорошо вспаханной, засеянной и заборонованной. Чего только не бывает на широкой ниве! Вот идет Мартын Кныш по раздольной ниве к ферме и не ведает, что там впереди его ждет. Ну, увидит он там Горпину Горюн, возможно, даже поговорит с нею. Но он и не предполагает, что сейчас там может произойти такое событие, которое совсем перевернет его жизнь, и нива ляжет перед ним чудесным ковром, точно рожь на ней цветет и жаворонки над ней поют, и солнце светит над ней и ему, Мартыну Кнышу, улыбается.

Он идет к ферме и думает: нелегко ей, Горпине Горюн, полторы тысячи свиней откармливает. Глядеть на них и то устанешь, а ведь их накормить надо.

Башковит, однако, Роман Пулейко. Только что Мартын Кныш узнал, какую еще штуку отколол бригадир: посадил около фермы кормовой картофель. За этим картофелем посылали в Белоруссию специальную машину. Никогда в Сухих Млинцах не сажали кормовой картофель, а он посадил и всю посадку проволокой на ровные квадраты разбил. Выпустит Горпина Горюн свиней на квадрат — они роют картофель и едят. На самообслуживание перешли, как в чайной. Что бы там ни говорили, а башка у Романа Пулейко на месте, думает, изобретает. Такое изобретет, что дедам-прадедам даже не снилось, хоть и мудрые были деды, головастые.

А в это время Горпина Горюн стоит около фанерной будки с кнопкой и всхлипывает. Что же приключилось на широкой, хорошо вспаханной, засеянной и заборонованной ниве? Почему это плачет лучшая свинарка?

— Здравствуй!— подошел к Горпине Мартын.

Он, возможно, предпочел бы оставаться незамеченным, если бы знал, что Горпина плачет. Но теперь уже поздно идти на попятную.

Горпина Горюн не ответила на приветствие. Она вытерла платком слезы и посмотрела на Мартына Кныша мокрыми большими глазами. Только теперь он заметил: серые-то у нее глаза, с ободками.

— Побудь тут, Мартын, прошу тебя, побудь. А я домой пойду, все им скажу. Пускай себе живут одни. Нет у меня больше сил.

— Это ты про что, Горпина? — спросил Мартын Кныш.

— Про что же, как не про них. Ой, матушки мои, нет больше сил моих терпеть! Если бы ты знал, Мартын, до чего тяжело, когда родная дочь перестает тебя считать матерью! Душу и сердце ей отдала, а теперь, глядишь, все уже забылось. И я ей уже не мать, потому что у нее муж есть. Ладно бы муж, а то ведь не муж он совсем, не хочет регистрироваться. То ли он не хочет, то ли она не хочет.— Горпина Горюн вздохнула. Когда изольешь свое горе, легче становится на душе.— Сегодня сказала им: «Если хотите жить, то идите в загс и регистрируйтесь». А Леся мне отвечает: «Не ваше дело». «Нет,— говорю,— мое дело». А она мне говорит: «Ты не лезь не в свое дело, когда тебя не просят». А он лежит и хоть бы слово. Впервые она мне «ты» сказала сегодня. А я на своем настаиваю, говорю: «Ну, тогда живите, как хотите»—и пошла из дома. Нет у меня больше доченьки, Мартын. Уж как я ее пестовала: и ножки мыла и головку мыла, чтобы как цветочек росла! А она мне: «Не твое дело». Побудь, Мартын, а я пойду и скажу, пускай, как хотят, живут, а я уйду куда глаза глядят. Если задержусь, накормишь. Нажмешь кнопку — корма и побегут в корыто. В третьем часу нажмешь. Сумеешь?

— Сумею,— отвечает Мартын Кныш.— Иди. Я сумею.

Еще раз посмотрела Горпина на Мартына Кныша, поправила платок, откинула косу за спину и пошла. А Мартын остался. Он посмотрел вдоль свинарника и почувствовал себя как бы полководцем. Словно сейчас ему предстоит выиграть бой. Вот здесь свиньи, вон там в трубах уже готовы корма, а вот здесь кнопка. Нажми — и вся твоя работа. Живешь так, как лекторша из района говорила. Красивая лекторша была. Впервые тогда не задремал Мартын Кныш на лекции и даже в ладони хлопал. А потом долго еще грустил, что рано, мол, родился. А теперь, выходит, что совсем не рано. Нажимай кнопку и чувствуй себя так, точно коммунизм уже наступил.

Мартын Кныш заложил руку за спину и начал расхаживать по асфальтированной дорожке, изучая надписи и плакаты. Хороший, однако, бригадир Роман Пулейко — читай плакаты, и все тебе сразу станет ясно: сколько свиней приходится на гектар (пока что выходит две, а в наступающем году, может, и по три будет), и какова себестоимость, и сколько кормоединиц израсходовано на прирост живого веса, и опять же рацион обозначен: сколько именно и каких именно кормов давать, чтобы и сало прибавлять и мясо.

Ходики на стене показывают два. Мартын Кныш надел белый халат. Такие халаты в больницах носят, аптеках и парикмахерских. А теперь и на фермах: культура!

Мартын Кныш прохаживается по асфальтированной дорожке вдоль свинарника, руки заложил за спину, голова сама собою поднялась вверх, а нос поднялся еще выше. Сейчас он здесь самый главный. Пусть бы сейчас кто-нибудь на него взглянул, хоть бы Роман Пулейко наведался или Онуфрий Каленик. Это Онуфрий Каленик там, на дороге, лопатой и киркой машет, а он, Мартын Кныш, здесь около кнопки ходит. Вот как!

Вдруг Мартын Кныш вспоминает все, что говорила ему Горпина Горюн. Да она же только что сказала, будто собирается идти куда глаза глядят. Зачем же идти куда глаза глядят, когда он, Мартын Кныш, хочет ее в жены взять?

Стрелка на ходиках приближалась к трем. Известное дело, свиньи — самые отъявленные нахалы и обжоры на свете. Им стало невтерпеж — давай кушать. Сперва где-то захрюкал один кабанчик. Он подал сигнал: мол, давайте-ка, братцы, начнем, давайте-ка требовать то, что Роман Пулейко нам по рациону назначил. Этому кабанчику сразу же ответили все. Мол, мы согласны, мол, сейчас подымем такой визг, что эти несчастные люди за головы начнут хвататься. Если положено по рациону, то давайте. Мы голодать не намерены, у нас, видите ли, должно сало нарастать и мясо. Бекон! Мы же вам даем такую низкую себестоимость, какой нигде ни у кого в области нет. Так что извольте не задерживаться, выдайте нам рацион сполна.

Мартын Кныш подошел к станку. Десятимесячный толстяк злобно хрюкнул и посмотрел на человека в белом халате своими злыми пуговками. Чего, мол, стоишь, чего смотришь? Давай кушать! Но этому толстяку так и не довелось высказаться до конца. Черноносый кабанчик толкнул его под бок и завизжал во всю мощь. И так он визжал целую минуту. Наверное, ругался, ей-ей, ругался. Смотрит на человека в белом халате и выдает такие рулады, что все полутoратысячное стадо свиней притихло и только одобрительно бубнило. Денать, крой его, давай!

Мартын Кныш улыбнулся и пошел нажимать кнопку. Он не знал, что когда свиньи затевают нахальный разговор, то им следует отвечать: «Убирайтесь прочь, проклятые, напасти на вас нет! Да замолчите, иродовы души! А, чтоб вы лопнули!»

Он не знал, что такое обращение по душе свиному поголовью, что эти слова благотворно влияют на нервную систему свиней. Их, мол, поняли, и им ответили. Так что все в порядке.

А свиньи перешли от слов к делу, они начали грызть корыта и без всякой нужды нажимать на автопоилки. Пить им не хотелось, но чадо же было чем-то досадить этому человеку в белом халате. Пускай знает, что когда к нему обращаются, то следует отвечать...

Ровно в три часа Мартын Кныш нажал на кнопку. Где-то начали работать насосы, в трубах засопело. Эти знакомые звуки успокоили свиней. Они столпились возле корыт.

Мартын Кныш чувствовал себя на седьмом небе. Да, от такой работы, как нажимание кнопки, чувствуешь себя просто необыкновенно. Как будто ты родился на двадцать лет позднее и тебе открылись все радости жизни. И в халате ходишь, словно бы ты не свинарь, а врач, или аптекарь, или парикмахер. Это тебе не в дорожном звене или в строительной бригаде — там намашешься лопатой или топором.

Дымок «Севера» взвивался вверх. Мартын Кныш примостился на корточках около стены и прислушивался к аппетитному чавканью свиней. Он не заметил, как возле свинарника остановилась голубая «Волга».

Из нее вышли трое и направились к свиноферме. Самый большой начальник шел впереди. Он шел широким шагом хозяина земли и ее окрестностей. Его седая шевелюра спадала на ясный лоб, серые глаза смотрели умно, весело и уверенно.

Если посмотреть на второго, сразу же узнаешь в нем корреспондента: точно кобура с пистолетом, на нем висит через плечо футляр с фотоаппаратом; верхний кармашек пиджака набит авторучками с золотыми и серебряными наконечниками, а из всех прочих карманов торчат блокноты. На носу — очки.

Еще один человек шел позади. Этот, видимо, тоже был руководящим товарищем, может, он возглавлял какой-нибудь отдел или сектор. Вид у него был гордый и самоуверенный, такой бывает у не очень больших начальников.

А Мартын Кныш так и не заметил приезжих. Примостившись на корточках, он сидел, курил «Север» и думал о Горпине Горюн. Он не даст ей уйти куда глаза глядят, пускай лучше к нему в дом идет. Вместе жить будут, женой его пускай будет. Он тогда насмотрится на нее вволю.

— Добрый день! — поздоровался человек с седой гривой.

— Здравствуйте! — растерялся Мартын Кныш, поднимаясь на ноги и пожимая протянутую руку.

Гривастый мужчина глянул вдоль свинарника и спросил:

— Можно посмотреть вашу ферму?

— Может, мне лучше за бригадиром сходить?

— А зачем? Вы же тут. Вот и расскажете нам все.

— Я могу, но наш Роман Пулейко лучше.

— А кто это Роман Пулейко?

— Да бригадир же.

— Нет, нет, не надо. Надеемся, что мы вас поймем. Если же что неясно будет, тогда бригадира позовем. Чудесный у вас свинарник!

— Да ничего себе,— сказал Мартын Кныш. Он почувствовал, как в эту минуту в душе его поселился бес с двумя рожками и хвостом. Ну, что ж, поговорим.

— Как вас звать? — спрашивает седовласый.

— Мартын Кныш.

— Хорошо. А по отчеству?

— Микитович!

— Сколько же у вас тут свиней, Мартын Микитович?

— Полторы тысячи.

— Неужели полторы?

— Ага!

Мартын Кныш увидел: тот, что в очках, вытащил блокнот и начал писать. Ну и пусть пишет. Я все по правде расскажу, как на исповеди.

— И вы тут один, Мартын Микитович? — спрашивает третий.

От этого вопроса да еще оттого, что его величают по имени-отчеству, Мартын чуть ли не попятился.

— Нет, нас двое. Горпина Горюн и я.

— Так вы вдвоем управляетесь с полутора тысячами свиней? — спросил гривастый.

— А в следующем году у нас будет две тысячи. Обязались уже.

— Замечательно, просто замечательно! А как же вы вдвоем кормите полторы тысячи свиней?

— А кнопкой.

— Не понимаю.

— Идемте покажу,— снисходительно улыбнулся Мартын Кныш. Выходит, они такого еще не видели.— Вот видите кнопку? Нажму — корма сами в корыто поплывут, из кормокухни. Это наш Роман Пулейко придумал. Да еще из управления инженеры приезжали.

Седовласый посмотрел на корреспондента: мол, ты там пиши, пиши. А у самого глаза так и светятся.

— А еще кто есть на ферме? Ну, заведующий, фуражир, учетчик?

— Никого нет. Мы вдвоем. Механизация же.

— А какова себестоимость центнера свинины?

Мартын Кныш искоса посмотрел на плакат: что там написал Роман Пулейко? Затем сказал, сколько рублей и копеек стоит центнер.

— Интересно, необыкновенно интересно! — говорит седовласый.— А как же вы добиваетесь такой себестоимости?

На этот вопрос Мартын Кныш не мог сразу ответить: не подготовился. Но коль уж начал, то говори.

— А так, работаем и добиваемся. По две свиньи на гектар уже есть. А на тот год по три будет.

— А корма есть?

— Есть. Какая же без кормов себестоимость! Корма есть.— Мартын Кныш снова посмотрел на плакат и начал объяснять гостям, какой у них тут рацион, сколько кормоединиц получает свинья и сколько кормов уходит на то, чтобы получить килограмм прироста. Пускай знают, если им интересно, пускай тот, в очках, записывает. Еще рассказал, как чистят станки: вот шланг лежит, свиней на моцион выгоняют, а затем шлангом, как из пушки,— все стекает в яму. Свиньи, они чистоту любят.

— А почему сейчас так тихо в свинарнике? — спросил третий.

— Пообедали, мертвый час. Сейчас как раз сало и мясо наращивают.

И еще рассказал Мартын Кныш о картофеле и самообслуживании. Выгонят свиней на двор, и они прямо в квадрат идут: картофель сами роют и сами едят. Потом он рассказал о Максиме Дыне. Сказал даже, что ему не в колхозе сидеть, а в министрах: очень он грамотный и землю любит. А главное, совестливый. А о его отношении к людям и говорить не приходится: никого не обидит. А Роман Пулейко — это просто золотой человек, все придумывает, изобретает. Вот наряды придумал, там все записано: и что делать надо и сколько заработаешь. Вот такой у нас Роман Пулейко. Конечно, иногда себя за бородку дергает. Когда рассердится, так и дергать начинает.

— Есть еще такие элементы, которые трудиться не желают. Их, правда, уже мало. Один был, да и тот пошел работать. А как же! Пойдешь. Ведь все село борется за звание коммунистического. И чтобы все трудились, и чтобы ни одного лодыря и тунеядца не было. Все теперь трудятся,— сказал Мартын Кныш. Он почувствовал, что разговорился, как настоящий докладчик.

Мартыну Кнышу хотелось еще рассказать про коммунизм, но тот, что в очках, нацелился на него фотоаппаратом.

— Вот и Горпина Горюн пришла,— сказал Мартын Кныш.— Подойди сюда, Горпина!

Но седовласый не допустил, чтобы Горпина Горюн подошла к ним. Он сам пошел навстречу, почтительно поклонился и протянул ей руку. Затем ей поочередно пожали руку заведующий сектором и корреспондент в очках. Только Мартын Кныш никогда еще не пожимал руку Горпины: в Сухих Млинцах мужчины здороваются с женщинами кивком головы, а гости этого местного обычая не знают.

— Вот вы какая! — сказал седовласый.

Горпина Горюн смущенно улыбалась. Корреспондент нацелил на нее дуло фотоаппарата и щелкнул, да не один раз, а трижды.

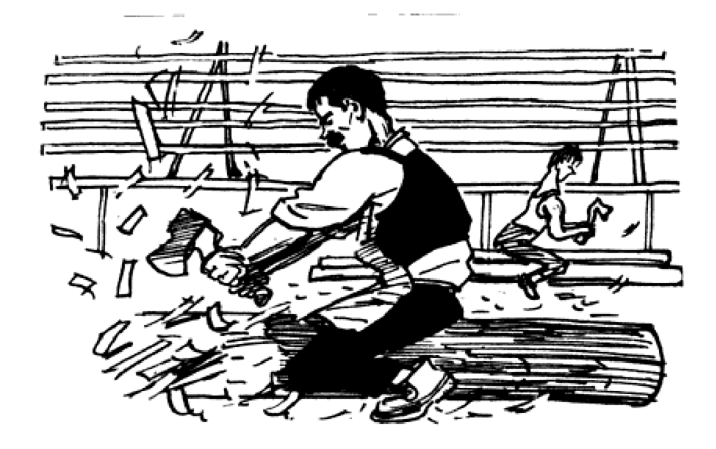
— Какая? — спросила Горпина Горюн.

— Очень вы красивы,— сказал седовласый,— красивы своим трудом и преданностью нашему делу. Желаю вам больших успехов. Мы еще заглянем сюда. А сейчас должны ехать.

— Приезжайте, рады будем гостям,— сказала Горпина Горюн.

— Обязательно. И учеников еще привезем вам — из министерства и из академии. Пускай учатся, как работать. И привет передайте Максиму Дыне и Роману Пулейко.

Мартын Кныш покачал головой: уже запомнил и бригадира и председателя!

Затем седовласый повернулся к Мартыну Кнышу и сказал:

— Бывайте здоровы, Мартын Микитович. Когда что-нибудь понадобится для вашей замечательной фермы, пишите. Поможем.

Он назвал такой адрес, что у Мартына Кныша сердце похолодело. Так вот он с кем разговаривал! Что же теперь будет? Сказать, что наврал все о себе? Ага, так и скажешь! Язык не повернется такое сказать. Пускай уж едут, пускай думают, что и он здесь что-то значит.

Горпина Горюн и Мартын Кныш проводили гостей до голубой «Волги», еще раз попрощались, и руки пожимали, и здоровья друг другу пожелали. Голубая «Волга» благожелательно фыркнула и тронулась с места. Она исчезла так быстро, как будто ее и не было, словно все это привиделось Мартыну.

— Вот какое несчастье случилось,— сказал Мартын Кныш,— несчастье, да и только.

— Почему же несчастье? Ведь хорошие люди были у нас.

— Разумеется, хорошие, разве я что плохое сказал!

Горпина посмотрела на Мартына Кныша. В белом халате он ей показался более привлекательным, каким-то интересным и оживленным, на какой-то миг он ей даже красивым показался. Не то чтобы очень красивым, нет, немножечко. Он показался похожим почти на врача, нет, скорее на фельдшера, который изредка наведывается в Сухие Млинцы детям оспу прививать.

— А тебе, Мартын, идет халат,— сказала Горпина Горюн.

Но Мартын Кныш не ответил ей. Он все думал, что же теперь будет.

— Что же теперь будет, Горпина, что будет?

— Скажи, что случилось.

— Что там говорить! И говорить нечего.

Он закурил «Север» и присел на корточки, как у бригадного дома. Он очень долго думал, украдкой поглядывая на Горпину Горюн. Сказать ей сейчас, чтобы пошла к нему жить?

Мартын Кныш вздохнул полной грудью и сказал:

— Слушай, Горпина, я... я им такого наговорил, этим приезжим, такого наговорил...

— Что же ты такого наговорил?

— Всего было. Когда разговорился, то уж сдержаться не мог. Что теперь будет?

— Ничего не будет.

— Будет. Если бы этот очкастый не записывал,— другое дело. А то ведь писал. Прямо в рот глядел и писал. А я старался и рассказывал.

— Если правду говорил, то ничего не будет.

— Правду, конечно, тоже говорил. Но как не соврать, когда язык сам собою, как ветряк, вертится?

Мартын Кныш затянулся дымом, аж в печенке что-то стрельнуло, и подумал: да, не то он сейчас говорит Горпине Горюн, не то. Скажи ей, чтобы к тебе жить шла. Говори.

— Горпина, а... того. Мы-таки взяли обязательство по три свиньи на гектар? Или я переврал?

— Взяли. А как же! Ты им сказал?

— То-то же. Сказал. Видишь, выходит, я и правду говорил.

— А про что же врал?

— Да так. Между прочим, я уже и забыл, а они помнят. Еще и в газете напишут. А что там дома?

Горпина Горюн опустила свои серые с ободками глаза и тихо проговорила:

— Все им сказала. «Распишитесь,—говорю,— в загсе и тогда живите, а если не по закону, то видеть вас не хочу». А Леся, дочь моя, говорит: «Если не хочешь нас видеть, то уходи от нас, не разрушай наше счастье».— Горпина Горюн всхлипнула и продолжала: — «Родную мать,— говорю,— гоняешь из дома? Ну так я пойду, куда глаза глядят пойду».— И слезы потекли по ее щекам и падали на асфальтированную дорожку.

Мартын Кныш подошел к Горпине Горюн и положил ей руку на плечо.

— Не надо уходить куда глаза глядят, Горпина. Иди ко мне. Давай поженимся и будем жить вдвоем.

Кто их поймет, этих женщин? Они порою так себя ведут, что ничего нельзя понять. Еще больше начала всхлипывать Горпина Горюн и положила голову на плечо Мартыну.

XV

Это случилось в день свадьбы. По правде говоря, никакой свадьбы не было. Было так: к дому Горпины Горюн подъехала подвода, запряженная парой гнедых. Вдвоем с Мартыном Кнышом они погрузили подушки, немного посуды, одежду и поехали. Все, что нажила Горпина, она дочери оставила: пускай мать вспоминает. И кабанчиков оставила, и корову, и все, что в доме.

А свадьбы никакой не было. Какая там свадьба может быть, когда молодым уже за сорок перевалило. Конечно, гостей угощали. В Сухих Млинцах такие уж люди — сами знают, что надо прийти и за здоровье молодых по рюмочке опрокинуть. И теплое слово при этом сказать. Правда, слова говорились не теплые, а горячие.

В это время около избы Мартына Кныша остановилась «Волга» председателя колхоза.

Максим Дыня влетел в хату, словно вихрь, и размахивал газетой.

— Что это такое, я спрашиваю, что это ты натворил, Мартын? Ты нас осрамил.

Горпина Горюн молча смотрела на председателя. Она никогда не думала, что Максим Дыня способен так гневаться.

— Позор! — воскликнул Максим Дыня и присел к столу, на котором стояли бутылки с водкой, а в тарелках ужом свернулись круги колбасы, свежие огурчики красовались в миске. И еще ветчина, ряженка, консервы в жестяных банках.

Максим Дыня налил стакан водки, хотел выпить, но его взгляд встретился со взглядом Горпины Горюн.

— Ты, Горпина, почему здесь?

— Она моя жена,— сказал Мартын Кныш,— сегодня расписались.

Председатель посмотрел на Горпину, на Мартына Кныша, и взгляд его немного смягчился. Брови как были сведены, так и остались, а взгляд смягчился.

— Что ж, поздравляю! Тогда за ваше здоровье! — Председатель забыл о своих почках с дырками, выпил водку, съел бычки в томате, а уже потом расстелил на столе газету.

Не успел Максим Дыня как следует развернуть газету, а в дом уже вбежал Роман Пулейко. Он даже не дергал себя за бородку: он был так разъярен, что совсем забыл о ней. Роман Пулейко дергал себя за сорочку, за брюки, за картуз. Должно быть, он никогда еще не гневался так.

— И вы здесь? — удивился бригадир, поглядывая на председателя.— Что же это делается на свете, а?

На этот раз Роман Пулейко выпил полный стакан водки.

— Немедленно опровержение напишу. Сяду и сам напишу,— сказал Роман Пулейко, совсем забыв, что надо закусить.— Кто это набрехал? Ты? — взглянул он на Мартына Кныша.

— Они меня спрашивали, ну я и отвечал. Направлял их к вам, а они не пожелали ехать.

— Отвечал! Ты еще у меня ответишь! — загремел Роман Пулейко.— Ты у меня еще узнаешь! Портреты его печатают. Видал?

— Спокойно, Роман, мы же на свадьбе,— вмешался Максим Дыня.— Разберемся сейчас, где правда, а где вранье. Эх, Мартын, если бы хоть портрета твоего не было, еще куда ни шло! А теперь как же?

— Но я же их не просил — сами щелкали.

— А ты бы сказал, я, мол, недостоин, чтобы меня фотографировать. Почему не сказал? — допытывается председатель.

— И хотел, а не сказал. Ей-ей, хотел!

— Все там правда. Об одном тебе брехня, вздор! — снова сказал Максим Дыня.— Что же теперь делать?

— Известно, что. Пускай Мартын идет на ферму работать,— сказала Горпина Горюн,— я уже говорила с ним. Он согласен. Когда две тысячи будем откармливать, все равно одной не справиться. Так пускай уж сейчас идет.

— Не пущу его, не пущу! — все еще дергал себя за сорочку, за брюки Роман Пулейко.— Пройдоха он, брехун!

— Да не горячись, Роман, остынь! — успокаивал председатель бригадира.— Придется подумать. Пускай Мартын пока навоз убирает — не звать же ежедневно пожарников. А в следующем году мы им на двоих еще тысячи полторы свиней подкинем. Пускай кормят и присматривают. Так, Горпина?

— Так.

Роман Пулейко успокоился. Он еще сердито поглядывал на Мартына Кныша, но уже не дергал себя за штаны и сорочку.

Еще приходили гости. Горпина Горюн угощала их и выслушивала горячие слова и сердечные пожелания.

Пришли Алик и Леся. Леся заплакала на груди у матери и сказала, что она ее любит, и прощения попросила. И сказала, что они с Аликом, может быть, пойдут в загс и, может быть, свадьбу сыграют.

А когда ушли последние гости, Горпина и Мартын долго рассматривали свои фотографии в газете.

До чего же они красивы и молоды! И как живые. А Горпина Горюн еще улыбается. На все тридцать два зуба. А Мартын Кныш не улыбается. Он стоит в белом халате, точно врач, или аптекарь, или парикмахер. Стоит и смотрит вперед.

Погас свет в домах. Сухие Млинцы окутала теплая летняя ночь. Погас свет и в доме Мартына Кныша.

Этой ночью сверчки не стрекотали в доме. Запрятались в щелях и сидели там тихонько до самого утра. А утром кто же стрекочет...

...Теперь в Сухих Млинцах нет уже ни одного мушкетера.

Лубны.

Авторизованный перевод с украинского В. ДОРОНИНА и А. СЕМЕНОВА.

Высокий зал каталога Ленинской библиотеки. Тишина, полная напряженной работы. Указатели. Буквы «К», «КН». Длинные ящики, набитые карточками. Десятки называют имя одного и того же автора — Кнунянц, Иван Людвигович.

Большая Советская Энциклопедия. Краткая справка: Кнунянц, Иван Людвигович, 1906 года рождения, трижды лауреат Государственной премии.

Всемирно известный ученый... Академик...

Иван Людвигович Кнунянц.

Люди большой науки

ЩЕДР

Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы юга родного сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!

Эти строчки Ростана все время приходят мне в голову, когда я думаю об Иване Людвиговиче Кнунянце. Я поняла наконец, на кого он похож. По типу, темпераменту Кнунянц—д'Артаньян, юный гасконец, явившийся завоевывать Париж старой отцовской шпагой. Тот же мальчишеский азарт, та же непосредственность. Кнунянц щедро талантлив и никогда не бывает равнодушным.

...Творчество ученого. Как рассказать о его своеобразии, об особой, свойственной лишь этому человеку манере работать?

Вот что пишет о нем академик А. Н. Несмеянов: «Сочетание порывистой и ищущей души романтика, беспокойства и фантазии, необходимых для поисков нового, с систематичностью и строгостью, настойчивостью и методичностью химика классической школы, это сочетание — драгоценное свойство Кнунянца».

Классическая школа... Да, Кнунянц прошел и эту великолепную школу: он ученик замечательного химика Алексея Евгеньевича Чичибабина.

Фантазер и романтик, он учился строгости и настойчивости, учился работать руками (это его выражение, и этим умением он гордится куда больше, чем всеми своими знаниями).

Первое, чем он занялся, был синтез хинина. (Для справки: с того времени, как Иван Кнунянц учился в МВТУ, прошло более трех десятилетий, а синтез хинина ученые осуществили совсем недавно.) Почему он взялся синтезировать хинин? Да очень просто: это было самое сложное, что он мог себе вообразить.

Хинин синтезировать не удалось. Но прошло несколько лет, и молодой химик получил акрихин — соединение, родственное хинину. Это было крупным успехом.

Акрихин впервые сделали в Германии, но и формулу и метод получения держали в строгом секрете.

Молекула акрихина... Она все время стояла перед глазами исследователя, и наконец однажды ночью (честное слово, это было ночью!) он придумал, как сгруппировать в ней атомы. Рано утром он примчался в лабораторию. Синтез длился сутки — день, ночь и снова утро, утро, которое принесло ему половину молекулы акрихина.

«Ну и что вы сделали? Поехали спать?» — спрашиваю я. «Почему спать?! — Кнунянц поражен.— Я не хотел спать. Мне надо было получить вторую половинку молекулы».

А потом—массовое производство акрихина, в основу которого лег новый способ. Тысячи людей, спасенных от малярии. И еще одно — лактон Кнунянца, промежуточный продукт при синтезе акрихина. Он оказался необходимым и при синтезе витаминов. Лактон Кнунянца разнес его имя по многим и многим странам.

* * *

Мне не хочется писать подряд обо всех работах академика Кнунянца, да и физически это невозможно. Но о капроне нельзя не написать. Не потому, что полимеры — блистательное настоящее и колоссальное будущее, а потому, что в истории этого исследования опять виден Кнунянц — д'Артаньян, готовый сразиться с любым противником. И чем более грозен противник, тем с большей охотой идет он в бой.

Автор нейлона, знаменитый американец Карозерс, считал невозможной полимеризацию капролактама. Между тем было ясно, что в результате такой полимеризации получилось бы вещество со свойствами нейлона, но более простым путем. И вот Кнунянц (к тому времени он уже доктор наук и не очень молод: ему скоро сорок) придумывает для себя тему, ни мало, ни много — полимеризация капролактама.

Почему именно такую тему? Да опять потому, что это самая слож-

«Я бы сделал так...»

Здесь владения соседней лаборатории.

ная задача, какую он может поставить в этой области.

И Кнунянц побеждает. Ему удается осуществить полимеризацию капролактама. Получен новый полимер — капрон.

А теперь я хочу сказать о фторе — очень активном элементе. Этот агрессор не существует в природе в свободном состоянии: он бурно реагирует почти со всеми веществами и соединениями. Длительная история получения свободного фтора увлекательна, как хороший детектив. Укрощение фтора привело науку к созданию веществ с удивительными свойствами. Им нет аналогов в природе. Вещества с алмазным сердцем и шкурой носорога — так называют химики термически и химически стойкие фтороуглероды — органические соединения фтора. Какой поэт не позавидует этому определению?

Химия фтора — занятие для романтика. И для храброго человека. Фтор коварен. Среди его органических соединений встречаются безобидные газообразные, настолько нейтральные, что ими можно было бы заменить атмосферный азот. Но есть страшные яды. Синтез фтороуглеродов... Далеко не всегда знаешь, какими свойствами будет обладать новое вещество.

Несколько лет назад ученик и друг Кнунянца А. В. Фокин поздно вечером кончил синтез нового соединения, следы которого попали ему на пальцы. А в час ночи срочно вызванный в больницу Иван Людвигович увидел этого огромного, сильного человека, бившегося в страшных предсмертных судорогах. Химики и медики вместе решали, что делать. Несколько человек привязали Фокина ремнями к кровати, чтобы можно было ввести ему в вену лекарство.

Ученые выиграли: Фокин был спасен. Уже через две недели он снова появился в лаборатории, чтобы продолжать работу, едва не стоившую ему жизни.

А вот единственная история о самом Кнунянце, которую мне удалось выведать у него.

Однажды (кажется, это тоже было вечером) он работал с фтором («Хотелось скорее, скорее!») — и вдруг взрыв: разнесло автоклав, стальной осколок пронесся мимо уха и, как в сугробе, застрял в стене лаборатории.

«Несколько сантиметров в сторону — и мы не имели бы удовольствия разговаривать».— Кнунянц смеется, но твердо отказывается рассуждать на тему об опасности эксперимента. Я понимаю, ему это больно. Ведь именно при взрыве автоклава погибла дочь его учителя — студентка Наташа Чичибабина.

Кнунянцу принадлежит ряд блестящих исследований по химии фтора.

Лаборатория, которой он заведует, так и называется: лаборатория фтороорганических соединений.

Кроме фтора, исследований в области физиологически активных веществ, Иван Людвигович занимается сейчас теоретической органикой.

Получать соединения с заранее заданными свойствами, не колдовать, а сознательно управлять — это самое трудное, что может придумать академик Кнунянц. Он и сейчас очень мало отличается от юноши, пытавшегося когда-то синтезировать хинин.

* * *

О нем не скажешь: «В беседе с нами академик Кнунянц...» «Спокойные» слова в применении к нему неуместны. Я прекрасно представляю себе описанную его ближайшей сотрудницей, доктором наук Ольгой Владимировной Кильдишевой, картину: перед ученым советом докладчик, не уверенный в своих позициях, молит: «Хоть бы не было Кнунянца!» Рассчитывать на то, что Кнунянц останется нейтральным и промолчит, не приходится. А нападает он сокрушительно.

Но зато он умеет пылко защищать и деятельно помочь. Взять хотя бы его «вторую любовь» — генетику. («Если бы я начал сначала, я стал бы только генетиком!»)

Разумеется, удивителен не интерес его к генетике. Кто теперь не интересуется биологией!

Но Кнунянц не просто интересуется. Он составляет и редактирует сборники по генетике; он главный редактор журнала Всесоюзного химического общества и в этом качестве использует все возможности, чтобы опубликовать максимальное количество статей по биологии. Я видела, как он волновался из-за «блестящей, замечательной» книги Эфроимсона «Введение в медицинскую генетику», которую нужно было обязательно «пробить в печать».

* * *

Каким он запомнился мне больше всего?

Может быть, редактором-энтузиастом? Вот он громоздит на столе груду журналов с профилем Менделеева на обложке, извлекая их откуда-то с нижних полок шкафа. Попутно он рассказывает, что каждый номер исчерпывающе освещает одну какую-нибудь проблему химии, биохимии, биологии... Он обрушивает на слушателя такую убедительную пропаганду этого интересного издания, что появляется желание немедленно подписаться на этот журнал, хотя мне, например, это вроде бы и ни к чему.

Вот он исчезает из комнаты и мгновенно появляется вновь с томами «Краткой химической энциклопедии», которую редактирует, и говорит о ней так, как будто это не энциклопедия, а поэма. И кажется, быть редактором — его единственное призвание, и дело это поглощает его целиком...

Вот Кнунянц читает лекцию по общей органике. Тридцать лет педагогической деятельности! Они не охладили его — он так же увлекается, как в тот день, когда впервые стоял перед аудиторией...

Вот он месяцами (потому что урывками) восстанавливает полотно, от которого давно отказались специалисты-реставраторы; вот он роется в старых каталогах или говорит о миниатюре XVIII столетия...

Но больше всего мне запомнилась лаборатория фтороорганических соединений — длиннющий коридор и двери, двери, двери с обеих сторон.

Стремительно идет по коридору Кнунянц. Он не начальство, нет. И поэтому не может сидеть в своем кабинете. Он коллега. Коллега и сотрудник этих очень молодых кандидатов наук в модных брюках и прожженных халатах, гладко причесанных неторопливых женщин, которые работают здесь по многу лет, солидных лаборантов и несолидных старших научных сотрудников.

Не сразу отыщешь его: он нужен всем. Ибо он старший, старший по праву таланта и опыта.

Елена ЛЕБЕДЕВА

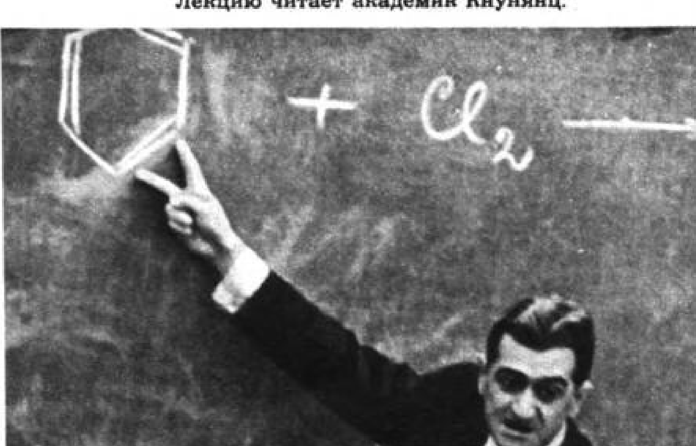
ОСТЬ

Фото Б. Кузьмина.

Лекцию читает академик Кнунянц.

Цимбалы Беларуси

Рисунки Г. Ушакова.

Петрусь БРОВКА

Петух

Ты петь не мастер. В этом деле
Скворец — и тот куда сильней.
Но я люблю тебя доселе
С младенческих далеких дней.

Клоки соломы с крыш летели,
Гудел под вихрем темный бор.
Но в сумраке над колыбелью
Ты пел ветрам наперекор.

Я рос. Дивился дерзкой силе,
Которая в тебе жила.
Ты, гордо поднимавший крылья,
Казался мне грозней орла.

Теперь часы имею. Время
Могу по радио узнать.
Но ты, как прежде, гонишь темень
И точно в срок поешь опять.

В чужих краях, в родной деревне —
Где б ни был я, проснувшись вдруг,
Услышав ранний голос певня,
Ликую: жив мой старый друг!

Максим ТАНК

Притча о хлебе и путнике

Однажды в город путник шел,
Умаялся немного
И стал ворчать: мол, хлеб тяжел,
Им взятый на дорогу.

А хлеб ему ответил так,
Услышав речь пустую:
— Не ты несешь меня, чудак,
Всю жизнь тебя несу я.

— Ну, что ж, посмотрим, кто кого,—
Сказал сердитый дядя.
Хлеб из мешка из своего
Он вытряхнул, не глядя.

И налегке пошел вперед,
Свои расправив плечи.
Но закатился день. И вот
Стал надвигаться вечер.

Почуял путник аппетит
И вспомнил хлеб духмяный,
Что где-то брошенный лежит
На тропке, за поляной.

Вздремнул хитрец, чтоб в тишине
Забыть про голодуху,
А все ж увидел и во сне
Хрустящую краюху.

Без ужина, как говорят,
Не спится, не лежится.
Не возвратиться ли назад
И с другом помириться?

Хоть уморился он в пути,
Побрел под звездным небом,
Надеясь тропку ту найти,
Где он расстался с хлебом.

Ох, как же радовался он,
Вернув свою утрату!
И хлебу черному поклон
Отвесил, словно брату.

Пимен ПАНЧЕНКО

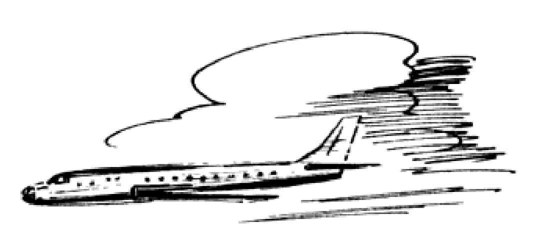
* * *

С малолетства всем известно это:
На Смоленщине рождаются поэты,
У подножья Арарата, и в Сибири,
И на землях Руставели, и Сабира,
У Днепра, на Балтике, в Рязани,
На вершинах горных в Дагестане.
А еще я знаю край озер и сосен,
Где поэтов, как в лесу грибов под осень.
Там зозулями зовутся все кукушки.
Той землей из Кишинева ехал Пушкин.
Там цвела любовь Мицкевича к Марыле.
Там цари поэтов многих загубили.
И Тараса в Петербург вели березы
Той дорогой, что впитала боль и слезы.
Оттого певцов рождается немало
На земле, где столько славных побывало.
Там стихи слагались в хате, и в окопе,
И в чащобе, где ломались молний копья.
Там черемухе и вереску просторно.
Там и критики ведут себя пристойно.
Там сонеты дятел пишет на бересте
И поют всю ночь хозяева и гости.
В соответственной сердечной обстановке
Не чураются и чарочки «Зубровки».
А закусывают бульбой да грибками —
Подберезовиками, боровиками.
Там, где с бором дружат новые поселки,
На асфальт ложатся хвойные иголки.
Пляшут в озере угри, в реке — уклейки.
Соловей всю ночь играет на жалейке.
Земляничные, черничные полянки
Спозаранку говорят стихами Янки.
Где ж тот край, льняной, игольчатый, былинный,
Зов торжественный лосиный, звон пчелиный?
Там, где Беседь, там, где Припять,
там, где Свитязь.
Приезжайте, поглядите, убедитесь!
Там на свадьбах неустанны цимбалисты,
Там невесты хороши и голосисты.
Там одна, голубоглазая и ласковая,
Завлекла меня припевками и плясками.

Сергей ГРАХОВСКИЙ

* * *

До Полоцка лететь — одно мгновенье.
Знакомая дорога высока.
Белеют облака, как сад весенний.
Сады белеют, словно облака.
Зеленая земля скользит под нами.
Бор накренился, словно бурелом.
А вот уже и поле с валунами,
И села, и озера под крылом.
Мне вспомнилась давнишняя дорога
И детская соленая слеза.
Дождя, дождя просили мы у бога,
Неистово целуя образа.
Застыли облака грядою хрупкой,
Потрескалась иссохшая земля.

От жажды листья свертывались в трубку,
А все не помогал пророк Илья.
Голодные деревни задыхались,
Сгорала рожь на медленном огне,
Но ангелы от смеха колыхались
В церквушке, на задымленной стене.
Я это вспомнил, может, и не к месту.
Пилот идет сквозь тучи напролом.
Они клубятся, им сегодня тесно,
А мы их режем солнечным крылом.
Летим, летим над полем и над лесом,
Наш самолет Задвинье пересек.
На нас глядит, как ангел, стюардесса.
Пилот всесильней, чем Илья-пророк.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Алексей ПЫСИН

Деревня Вылов*

Стояли, как войско, дубровы,
Дубы-молодцы на подбор.
А в Вылове — всё Терешковы:
То рядом, а то через двор.
Во сне наплывает былое,
Минувшие годы встают:
Тревожной российской весною
Переселенцы идут;
Иконы в окладах из фольги
С обозом свершают свой путь...
Одни Терешковы — на Волге,
Другие — над речкою Друть.
Где словишь судьбу, неизвестно,
Как рыбу с багряным пером.
Вернуться бы в Вылов, на место,
Печалится старый паром.
Прощаясь, махали парому
В предчувствии, верно, того,
Что с Волги идти к космодрому
Каких-то
Полвека всего.
А матери дочек уставших
В дорожной баюкали мгле.
Какая же, Чайкою ставши,
Не станет искать на земле
Надела для хаты и хлеба,
А выйдет на Млечный большак,
На ощупь попробует небо,
Узнает, и что там и как?
За вами следя, Валентина,
Мы поняли твердо одно:
Работает в небе девчина —
Уютнее станет оно.
И молний не будет бесплодных
И айсбергов — туч ледяных —
На всех перепутьях высотных,
В надеждах и судьбах людских...
Смородина в Вылове спела,
И славный малыш Терешков
Руками ловил неумело
На глинистом дне окуньков.

Перевел с белорусского
Николай СИДОРЕНКО.

---

* В деревне Вылов, под Могилевом, родился и жил до переселения на Ярославщину (1913 год) отец В. Николаевой-Терешковой. В этой деревне живет много ее родичей и однофамильцев.

Белоруссия чтит память своих верных сынов. Митинг пионеров у могилы пинских партизан бригады Героя Советского Союза В. З. Коржа.

Бывшие комиссары партизанских бригад Ф. С. Куньков, Д. И. Дудко и Г. С. Карасев.

Минск. Самая молодая площадь города — имени Калинина.

Полесье. Новая животноводческая ферма.

Минчанка студентка Оля Клебанович.

Старшеклассницы.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Белорусский пейзаж.

Сверяя по Ленину каждый шаг

Захар ДВОЙРИС

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле во время беседы с американским экономистом Христенсеном. Справа (стоит) П. И. Воеводин.

«Без работы жить не могу. Часто выезжаю на заводы, в воинские соединения, выступаю перед товарищами... Выполняю задания партийной организации, в которой состою на учете, занимаюсь и литературным трудом».

Написавшему эти строки 80 лет. Автор смотрит с одной из своих книжек — овальное лицо, высокий лоб, пушистая шапка все еще густых, белоснежных волос, такие же усы и борода. Брошюра называется «Под ленинским стягом». Именно так прошла вся жизнь Петра Ивановича Воеводина, вступившего в партию Ленина на заре ее создания, в 1899 году.

Петру не было и девяти лет, когда умер отец. Мальчик нанялся батраком в имение графини Строгановой, у себя на Сумщине. За десять копеек в день от зари до зари пас свиней. Немногим больше получали и старшие братья.

Безысходная нужда погнала семью в большой промышленный город Екатеринослав, нынешний Днепропетровск. Здесь Петя на собственном опыте узнал, что капиталисты ничуть не щедрее помещиков. 12-летний хлопчик прошел суровую выучку в ремесленной мастерской, затем поступил учеником в литейный цех металлургического завода «Геллерштейн и сын».

Устроились на завод и братья — Николай и Илья: один токарем, другой слесарем. Вскоре Николай начал заниматься в нелегальном кружке, которым руководил испытанный революционер, замечательный пропагандист Иван Васильевич Бабушкин. Николай часто приносил Илье запрещенную литературу. Петя подсмотрел, куда старшие братья прячут ее, и, когда их не было дома, потихоньку читал...

Ясно, словно это было вчера, а не 65 лет назад, вспоминается Воеводину первая революционная сходка в их доме. Небольшое зальце заполнено празднично одетыми людьми. 15-летний Петруха скромно сидит на табурете у двери, Илья и его жена Ольга хлопочут у стола, где дымится гора блинов, урчит до блеска начищенный самовар. Николай тихонько перебирает лады двухрядной гармони. Хозяева и гости празднуют масленицу. Но это, как Петя вскоре понял, только предлог. Беседа, которую затеял слесарь брянского завода Бабушкин, совсем не праздничная: речь идет о невзгодах рабочих, о низких заработках, штрафах, изнурительном труде. Но все это можно изменить к лучшему, надо только сначала хорошо представить себе, к чему стремиться...

Петр представил себе это очень рано...

...Металлурги завода «Геллерштейн и сын» бастовали.

— Чего вы хотите?— хмуро спросил вышедший к ним хозяин. За его спиной стоял пристав.

Все молчали. Нелегко было преодолеть извечный страх. И вдруг раздался звонкий голос:

— Хотим заработка, на который можно жить! Хотим нормированного рабочего дня!

Это было первое публичное выступление ученика литейного цеха Петра Воеводина. Оно подняло юношу в глазах товарищей. Вскоре он организовал на заводе кружок, стал читать рабочим запрещенные книги, связался с подпольным городским комитетом РСДРП... Так 15-летний паренек вступал в партию.

Первое боевое крещение Петр получил 22 апреля 1901 года. В этот день в заднепровской роще с разных заводов собирались рабочие. Для отвода глаз пели, плясали. На самом же деле шла подготовка к первомайской демонстрации. Но планы не сбылись. Начались аресты. Бросили в камеру главного полицейского управления и Петра.

На допрос его привели в кабинет начальника губернского жандармского управления генерала Делло. Добродушно улыбаясь, старик генерал смотрел на парня поверх очков.

— Что ты делал на собрании в лесу за франко-русским заводом?— со вкрадчивой ласковостью в голосе спросил он.— Скажешь правду— сразу пойдешь домой.

— Ничего не знаю, я живу в другом конце города, это кто-нибудь похожий на меня был на собрании.

Разговор длился часа два. Генерал варьировал вопросы, Петр упорно играл роль немогузнайки. Наконец взбешенный генерал вызвал вахмистра и снова отправил юношу в камеру. Не добившись ни слова и от других, жандармы вынуждены были освободить всех участников предмайской массовки. Но на всякий случай Воеводина и еще нескольких «смутьянов» выслали в Саратов под особый надзор полиции. Там он начал посещать «столярную коммуну» — кружок, куда входили самые активные из местных искровцев. То, что год назад не удалось в Екатеринославе, на этот раз осуществилось в Саратове. 1 Мая рабочие вышли на улицу. На их знаменах золотыми буквами было начертано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой самодержавие!», «Работы для безработных!».

Все шло, как задумали. Пели «Марсельезу», «Варшавянку». Петр раздавал встречавшимся по пути горожанам нелегальные листовки. И вдруг из засады неожиданно выскочили переодетые полицейские. Завязался рукопашный бой. Прибывшие по вызову войска быстро «навели порядок». Демонстрантов арестовали и погнали в полицейское управление...

Снова тюрьма. В ожидании суда Петр набрасывает текст будущего выступления, через родственников товарищей по камере передает его городскому комитету РСДРП и получает одобрение.

Гневным обвинением царизму звучала его речь на суде, когда ему предоставили последнее слово.

— Господин Воеводин, — прервал его председатель суда, — мы видим, что вам неприятно русское правительство, но зачем же вы так резко отзываетесь о нем?

— Какое там неприятно! — бесстрашно ответил юноша. — Я ненавижу это подлое самодержавное правительство и всю жизнь буду бороться против него! Я с радостью начал подготавливать демонстрацию, на которой во всеуслышание можно кричать: «Долой самодержавие!» И скоро вся рабочая масса повторит этот боевой клич, потому что, только перешагнув через труп монархии, русский рабочий может быть свободным и счастливым...

Да, он знал, к чему надо стремиться!

Комитеты РСДРП многих городов напечатали эту речь в прокламациях и широко распространяли среди рабочих. «...Было бы большим уроном для дела,— писала 1 марта 1903 года ленинская «Искра», — если бы Воеводин, Заломов, Самылин и др. осужденные сошли со сцены, не сказав своих последних агитационных речей».

Беспощадно расправился суд с врагами самодержавия. Семь товарищей Петра были навечно сосланы в Сибирь. Воеводина, как малолетнего, «пощадили»: приговорили к двум с половиной годам тюремного заключения с содержанием в одиночной камере.

В конце 1904 года у царя родился наследник. Была объявлена амнистия, и Воеводин незадолго до окончания своего срока вышел на свободу. Изголодавшийся по делу, он сразу же с головой окунулся в партийную работу и вошел в состав самарского комитета РСДРП.

Вскоре по решению Восточного бюро большевистского ЦК Петр Иванович направился в Сибирь, вел партийную работу в Томске, Омске, Чите. Снова арест. Обычно революционеров ссылали в Сибирь, но от такого опасного бунтовщика местные власти пожелали избавиться, и Воеводину предложили выехать за пределы края. Он возвращается в Самару, создает боевую дружину, готовит рабочих к решающим схваткам с царизмом. Потом партия посылает его на Урал руководить забастовкой железнодорожников. В Златоусте его снова подстерегли жандармы. Пришлось посидеть четыре года. Тюремные ворота закрылись за ним в разгар первой русской революции. А когда блеснул свет свободы, на воле было немногим лучше, чем в тюрьме: над Россией нависла черная ночь реакции.

Спасаясь от новых преследований жандармов, Воеводин эмигрирует в Америку. Здесь он убедился, что нравы капиталистического мира везде одинаковы. Но и там, на чужбине, Петр Иванович не стоял в стороне от революционной борьбы. Он вошел в русскую группу социалистической партии. У него появились друзья среди американских рабочих — литейщики Лео Томсон и Вальтер Фишер.

Знакомство с Америкой пригодилось Воеводину позже. В 1921 году В. И. Ленин пригласил его присутствовать при своей беседе с американским общественным деятелем Христенсеном. Фотография, запечатлевшая эту встречу, и сейчас висит в комнате старого коммуниста. А через 20 лет после первого посещения США Воеводин снова прожил там два года, на этот раз в качестве торгпреда научно-технического управления Высшего Совета Народного Хозяйства...

Впервые П. И. Воеводин встретился с Владимиром Ильичем в мае 1918 года. Петр Иванович руководил тогда краевым продовольственным советом Западной Сибири и Урала.

— Я тогда работал в Омске. Вдруг приходит вызов в Москву, в Кремль, к председателю Совнаркома. Владимир Ильич помнил меня по разговору в декабре 1917 года. Я звонил ему тогда в Смольный, по прямому проводу, разговор шел об обеспечении России сибирским хлебом. Теперь я привез Ленину доклад о народном хозяйстве в нашем крае, подробно рассказал ему о военной обстановке в Сибири и на Урале, о настроениях масс...

Беседа с Владимиром Ильичем продолжалась около часа.

Сибирь в ту пору необычайно нуждалась в оборудовании и материалах, приходилось брать на учет каждый гвоздь. Советской интеллигенции еще не было, а расшевелить буржуазных «спецов» не удавалось. И Ленин помог всем возможным. По его указанию была создана комиссия для разработки программы развития хозяйства Сибири. В эту комиссию вошел и Воеводин.

Владимир Ильич помнил энергичного, преданного соратника и назначал его на ответственную работу. Воеводин руководил Совнархозом Западной Сибири, а когда разгорелась гражданская война, отправился на фронт уполномоченным ЦК партии. Вскоре он стал политическим комиссаром агитпоезда «Октябрьская революция».

У Петра Ивановича хранятся документы, связанные с работой на агитпоезде. Есть там и копии телеграмм, которые он посылал с пути на имя Ленина. Вот одна из них — от 25 июля 1919 года, из Вольска: «Урожай хлебов Саратовской губернии небывалый в течение многих десятилетий. Отсутствие нужных рабочих рук грозит гибелью... Нужно немедленно направить в Поволжье все свободные рабочие руки...»

На подлиннике этой телеграммы Ленин написал своим помощникам Свидерскому, Глебову и Середе: «Надо напречь все силы и завтра днем 26/7, по телефону сообщить мне, что сделано».

Много дел — больших, интересных, разнообразных — поручала ему партия. Ветеран, стоявший у ее истоков, был делегатом исторического XXII съезда КПСС, принявшего новую ее Программу...

Правительство присвоило П. И. Воеводину звание Героя Социалистического Труда.

...В квартире, где живет верный ленинец, многое напоминает о его великом учителе. Рядом с томами ленинских сочинений на полках — подарок германских ткачей: большой ковер, на котором изображены пятиконечная звезда и Ленин, задумчивый, улыбающийся.

— Таким я и запомнил его, — говорит Петр Иванович и показывает строки из статьи, над которой он долго трудился: «В моей памяти навсегда сохранился образ Ильича. После незабываемых встреч в Кремле я стал еще строже относиться к своим словам, делам и поступкам, сверять по Ленину каждый шаг».

ПЕСНЯ русская, раздольная

3 июля 1964 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося деятеля советской культуры, заслуженного артиста РСФСР М. Е. Пятницкого, талантливого певца, собирателя песен, основоположника русского народного хора.

П. М. Казьмин, художественный руководитель хора имени Пятницкого, подготовил к печати книгу «С песней».

Мы печатаем отрывок из этой книги.

М. Е. Пятницкий.

П. КАЗЬМИН,
народный артист СССР

...Весна 1917 года. Я еду в Москву. Думаю остановиться там у дяди, Митрофана Ефимовича Пятницкого — брата моей матери.

Родные гордились Митрофаном Ефимовичем: певец, собиратель песен, организатор хора крестьян.

Помню, я в детстве с гордостью показывал в школе товарищам программы концертов, в которых напечатана была фамилия Пятницкого.

Давно мне хотелось встретиться с ним, поговорить о песне, народной пляске, хороводах.

Как-то теперь он примет меня? Как относится он к революции? Не разойдутся ли наши пути с первого же близкого знакомства?

И вот я у Митрофана Ефимовича. Сидим за столом у самовара.

— А знаете, дядя, вы сыграли большую роль в моей жизни. По вашему примеру я увлекся народным творчеством, начал собирать песни, частушки.

— С напевами?

— Нет, одни тексты.

— Без напева — это не запись. Надо фонограф иметь.

— Записал я и говор своего села. В Нежинском институте написал кандидатскую работу на тему «Частушки и страданья».

— Вот это напрасно. Песни надо спасать. Уходят они. Не запишем — не соберем потом: навеки исчезнет богатство, созданное русским народом. Надо создавать Дом русской песни. Это должно быть многоэтажное здание. Тысячи валиков и грампластинок с записями песен заполнят полки специальных комнат. В других комнатах будут народные инструменты, кружева, вышитые полотенца, красочные наряды, образцы резьбы по дереву и кости. В библиотеке — сборники песен, альбомы вышивок народных костюмов, полотенец, скатертей. В этом доме должно быть собрано все то, что написано о народной песне, о народном искусстве. Сюда будут приезжать и показывать свое искусство певцы, рожечники, жалеечники, плясуны, и во все стороны будут уезжать отсюда этнографы записывать песни. Здесь музыканты будут расшифровывать записи песен. Русская народная песня раскроется тут во всей красе, силе и мощи. Всякий человек, побывавший в этом доме, должен уйти со словами: «Как талантлив, как гениален русский народ! Какое изумительное богатство создал он!»

Первого мая мы с дядей отправились на Ходынку; в разных местах этого обширного поля проходили митинги, выступали ораторы от разных политических партий и беспартийные. Пятницкий был возбужден, шумно одобрял лозунги «Вся власть Советам!», «Да здравствует социалистическая революция!». Какой-то господин, хорошо одетый, в пенсне, заметил ему:

— Вы бы помолчали, господин Пятницкий!

— Ишь, знает меня,— шепнул мне дядя. А затем громко сказал господину: — А чего мне молчать! Вот со мной стоит племянник-солдат. И таких племянников у меня много. Делом им надо заниматься, настоящим делом, а не воевать.

...Осенний вечер. На дворе дождь, ветер. Мы сидим, слушаем фонограф — песни, напетые Аринушкой Колобаевой и другими талантливыми певцами русских сел и деревень. Митрофан Ефимович ушел в воспоминания...

Рассказывает о встречах с Лениным.

— В сентябре 1918 года мы должны были петь в Кремле, в Свердловском клубе, для красноармейцев. И вдруг нам передают, что на концерт пришел Владимир Ильич—он в это время выздоравливал после ранения. Волнуемся очень. Думаем: послушает Владимир Ильич одну-две песни и уйдет. А вышло по-другому. Раскрывается занавес. Внизу, в первом ряду, сидит Ленин. Рука перевязана. Я выхожу и говорю приблизительно так: «Ни в чем так ярко не выразились жизнь и весь уклад русского человека, как в русской народной песне. Целыми веками композиторы-самородки из народа рядили свою родную песню, как умели. Душа русского человека вся в песне, как в зеркале. И вот эти жемчужины нашего народа с глубокой радостью и волнением мы покажем сейчас».

Свыше тридцати песен спели мы в этот вечер — и посиделочные, и свадебные, и игровые, с плясками. Была даже живая картина «Освобожденная Россия».

Две-три песни запевал я сам. Когда кончился концерт, мы передали через коменданта полевые цветы Владимиру Ильичу. Комендант вскоре вернулся и сказал мне: «Владимир Ильич просит вас прибыть к нему завтра»,— и дал пропуск в Кремль.

Утром на следующий день я в Кремле. Красноармейцы узнали меня, улыбаются, приветствуют. Я нес подарок Ленину: в раме, перевитой вышитым русским полотенцем, фотографию нашего хора.

Вот и квартира Владимира Ильича. Из комнаты выходит в белом фартуке Мария Ильинична.

— Сейчас доктор у него. Немного подождите.

Открывается дверь. Выходит с перевязанным плечом Владимир Ильич, проходит в другую комнату. И в это время пожилой человек говорит: «Товарищ Ленин вас просит».

Вхожу. Владимир Ильич сидит за столом, взявшись ладонью за большой лоб.

— Я радуюсь прежде всего, что вы здоровы,— говорю я. А сам волнуюсь. Знаю, что каждая минута дорога Владимиру Ильичу, поэтому я коротко рассказываю, как записывал песни на фонограф, разъезжал по деревням, как организовал хор из крестьян разных губерний, как везде и всюду поем мы теперь песни русского народа. Владимир Ильич расспрашивает и в заключение говорит: это хорошо! Продолжайте это делать. Если что-нибудь нужно будет вам, черкните на клочке бумажки, и я вам помогу.

Ты понимаешь, что значила для меня эта встреча с Лениным? До революции никому не было дела до моей работы, до хора крестьян. А тут Ленин, вождь народа, глава государства, заинтересовался моим делом и обещал свою помощь... Какой человек! О нем надо песни слагать! О нем надо песни петь!— закончил свой рассказ Пятницкий.

Народ сложил и поет эти песни. Поет их и наш хор имени Пятницкого. И где бы они ни звучали — в нашей стране или за рубежом,— всегда находят они дорогу к сердцам людей.

После выступления «Огонька»

Слово за Охтой!

Дважды в этом году «Огонек» (№№ 7 и 18) писал о пленке для защиты кинескопов новых телевизоров «УНТ-47» и «УНТ-59». Было установлено, что Охтинский химкомбинат Ленинградского совнархоза задерживал изготовление этой пленки, так как не имел необходимой для ее производства добавки — стеарата кадмия. Вот что сообщил по этому поводу в редакцию тов. Уваров, заместитель председателя Госкомитета химической промышленности при Госплане СССР:

«В апреле 1964 года Научно-исследовательским институтом пластических масс совместно с Охтинским химкомбинатом подготовлена техническая документация на выпуск промышленной партии пленки.

Что же касается стеарата кадмия, то руководство Охтинского комбината, несмотря на неоднократные напоминания, только в конце месяца, 24 апреля, прислало телеграмму, в которой сообщалось, сколько потребуется этого вещества и какого качества.

7 мая 1964 года Управление химической промышленности Совнархоза РСФСР, представители Управления электронной промышленности СНХ СССР, «Союзглавреактива» Госхимкомитета и Львовского лампового завода составили и утвердили график выпуска полихлорвиниловой пленки и график снабжения комбината стеаратами.

Первая партия стеарата кадмия особого качества — 11 килограммов — поставлена Охтинскому химкомбинату 8 мая».

Какова же дальнейшая судьба многострадальной защитной пленки? О грустных перипетиях ее поведал нашему корреспонденту главный инженер Львовского электролампового завода И. С. Марченко.

— Действительно, вмешательство ряда организаций возымело свое действие. 16 мая во Львов пришла первая долгожданная посылка — 1 022 килограмма пленки опытно-промышленной партии. Однако нас подстерегало огорчение: только 15 процентов ее — 160 килограммов — оказалось годным. Остальное — брак.

1 июня поступило еще 600 килограммов пленки из той же партии. Она несколько лучше, но все равно еще очень низкого качества.

Через десять дней пришла из Ленинграда телеграмма, в которой сообщалось, что скоро поступит и вторая партия пленки. Если она будет на том же уровне, то государству такая защита кинескопов обойдется очень дорого: чтоб выкроить 400 граммов годного для производства полихлорвинила, надо перебрать его три килограмма. Итог плачевный: 600 кинескопов лежат без пленки.

Комментарии к сообщению из Львова излишни.

На заседании общественного телевизионного совета при редакции «Огонька» представитель Охтинского химкомбината В. С. Туркин заверял, что с пленкой все будет в порядке. А на деле получился беспорядок.

Что скажут по поводу всего этого охтинские химики? Когда они дадут хорошую пленку?

ОБЫКНОВЕННЫЙ РЕЙС

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Все заморожено жгучей стужей, а солнце светоносное, как в Африке. Гигантская река окаменела взъерошенным торосистым льдом и блещет так, что, кажется, можно слышать сухой шелест ее пронзительного излучения. Тайга распростерлась сине-сизым материком. Прозрачное, сквозное небо как бы распахнулось настежь. И безмолвие такое, какое, верно, существует только в космосе.

Вдоль глубокой пади, на дне которой стоят огромные лиственницы, ползет тракторный тягач с санным прицепом. Прицеп нагружен мешками с цементом, затянут новеньким брезентом. Трактор ломает твердую, как фаянс, плиту наста и оставляет за собой след, подобный траншее.

Лицо водителя тягача украшают курортные темные очки в квадратной модной оправе. В кабине тепло. Полушубок и ушанка водителя висят на алюминиевом крючке, вделанном в боковую стенку кабины, здесь же в железных державках большой красный термос, похожий на огнетушитель. На задней стенке, под стеклом, обложка журнала, на которой изображен абсолютный чемпион мира Юрий Власов, весь в доспехах могучей мускулатуры.

Водитель тягача — Сергей Лютиков на фоне портрета Юрия Власова выглядит заморышем. Он узкоплеч. Стриженные ежиком светлые волосы топорщатся, на сутулой спине торчат лопатки. Одет он с явным пренебрежением к Северу: байковая ковбойка с расстегнутым воротом, хлопчатобумажные брюки — спецовка — на широких матерчатых подтяжках, туристские толстокожие ботинки, белые шерстяные носки. Щеки Лютикова обрамлены так называемой «шкиперской» бородкой—нечто вроде войлочной рамки, в которую вставлена юная физиономия с дерзкими, прозрачными, как у кошки, глазами.

Несмотря на молодость, Лютиков уже механик автобазы. На Севере работает третий год. Самые ответственные рейсы поручаются ему. Держится он солидно, полон сознания собственного достоинства; женат. Жена—лаборантка по бетону. Высокая красивая грузинка с большими, как два черных солнца, глазами. Чем пленил ее Лютиков, непонятно. Когда Тамара Гоцеридзе по окончании техникума приехала на строительную площадку в Заполярье, и безуспешно пыталась растопить печь в бараке-лаборатории, и слезы замерзали на ее смуглом лице, в барак вошел Лютиков и сказал:

— А ну, пошли.— Он привел Тамару к себе в балок, объявил:— Вот тебе жилплощадь.

— А как же ты?

— В гараже переночую.

— Нет, так я не согласна,— заявила гордо Тамара.— В конце концов, мы с тобой не только мужчина и женщина, нужно быть выше этого.— Произнесла жалобно:— Но только все же лучше, если б была ширма.

Вечером Лютиков привез на самосвале сооружения из досок на железных амбарных петлях.

Договорились жилище убирать по очереди, но Тамаре всегда было некогда. Лютиков обвинял ее в барстве.

Тамара возмутилась:

— В Грузии мужчины всегда ведут себя с женщинами, как рыцари. Это наша отличительная национальная черта. Вот если бы я была твоей женой, тогда другое дело, тогда пожалуйста...

— А я бы, например, на тебе никогда не женился,— сердито заявил Лютиков.

— Это почему же?— запальчиво осведомилась Тамара.— Что, я некрасивая, да, некрасивая?

— Даже чересчур,— осуждающе сказал Лютиков и признался:— Я даже думал, таких красивых не бывает.

— А вот бывают!— сказала Тамара и торжествующе посмотрела на него в упор своими двумя черными солнцами.

Лютиков сконфуженно зажмурился.

В тундре терпели бедствие геологи.

Лютиков получил приказ — выехать на розыски. Он вернулся через две недели. Тракторный тягач выглядел окаменевшей глыбой, сплавленной из льда и грязи. Одежда Лютикова обледенела. Машина проваливалась в трясину, и Лютиков выдирал ее из хляби: рубил деревья, гатил болота, подкатывал под гусеницы валуны — и все один. Один, потому что четверо геологов, обессиленные скитанием и голодом, лежали в балкѐ, прицепленном к тягачу. Геологов отнесли в санчасть, а Лютикова

забрала Тамара. Она бесцеремонно содрала с него обледеневшую одежду, объявив, что он сейчас похож на рыцаря, закованного в железный панцирь. Поливая его горячей водой, она гортанно кричала, что ничего не видит.— В конце концов, я могла быть медиком,— утверждала Тамара.— Я пошла в строительный, потому что не добрала очков в медицинский.

Достоинство Лютикова было уязвлено этой материнской заботой.

На рассвете он исчез из балка́ и больше в нем не появлялся, переселившись жить на автобазу.

Однажды Тамара остановила тягач, который вел Лютиков, и попросила подвезти ее. Она спросила осуждающе:

— Ты что, забыл меня и никогда обо мне не думаешь?

— Нет, думаю,— честно сознался Лютиков.

— И много ты обо мне думаешь?— сурово допрашивала Тамара.

— Теперь много,— уныло сказал Лютиков.

— И во время работы?

— На работе тоже.

— Значит, ты в меня влюблен,— решительно объявила Тамара. И, не колеблясь, повторила: — Конечно, влюблен.— Возмущенно пожала плечами.— Значит, ты глупый. Только глупый человек может поставить себя в такое положение, когда о его чувствах вынуждена говорить женщина.

— Значит, глупый,— покорно согласился Лютиков.

— Значит, я сделала глупость, что влюбилась в тебя,— со вздохом произнесла Тамара и тут же разгневанно пообещала:— Но запомни, на всю нашу жизнь запомни: я тебе никогда не забуду, как ты заставил меня унизиться, признаться первой — это же позор для женщины.

— Но я же первый сказал...

— Что ты сказал? Лепетал, когда я тебя допрашивала.— И раздраженно потребовала:— Нет, ты мне теперь скажи, где моя гордость? Я же была такая невыносимо гордая. Но ты еще узнаешь, какая я невыносимо гордая!

И они поженились. Тамара выполнила свое мстительное обещание. Хотя она на людях разрешала ему держать себя с ней с полным мужским превосходством, зато дома все хозяйственные заботы легли на плечи Лютикова. Он убирал жилплощадь, готовил обед и даже стирал белье. По всей этой хозяйственной части у него был накоплен большой предварительный опыт. Лютикову было восемь лет, когда его мать притащила на себе сначала одного раненого солдата, а потом другого и спрятала их в подполье. Мать застрелил пьяный полицай. Лютиков один выхаживал, кормил раненых солдат, пока они не поправились. Вместе с ними ушел в партизанский отряд. На самолете его отправили в Смоленск, в детский дом. Эшелон, в котором эвакуировали обитателей детского дома, разбомбили в пути. Лютиков собрал оставшихся в живых двенадцать ребят и три месяца вел их до Москвы. С интернатом он уехал в Сибирь.

Учился в ремесленном, работал на заводе, стоя у станка на ящичном постаменте. Поступил на курсы механиков-водителей. Бывший танкист, начальник курсов, хотел усыновить Лютикова. Но Лютиков сказал: «Чего меня усыновлять, я сам кого хочешь усыновлю со своей квалификацией...»

Он завербовался работать на Север, где своим бесстрашным умением жить и азартно трудиться в любых условиях обрел прочное уважение даже среди тех, кто утратил чувство уважения к людям.

Среди водителей заполярной автобазы были всякие личности, были и такие, кто первоначально попал на Север не по собственной инициативе. Руководить такими людьми—не самая лучшая должность на земле. Но Лютиков пробил себе путь в сердца и таких людей. Пробил с помощью аварийно-ремонтной летучки, оборудованной на тракторном тягаче. Он считал эту летучку как бы своей персональной машиной и никому не уступал право ею пользоваться. Если и не все водители автобазы были обязаны Лютикову спасением жизни, то, во всяком случае, каждый из них был благодарен ему за самоотверженную выручку из безвыходного положения.

Сколько раз в обледеневшей пустыне тундры во время бешеного прибоя пурги Лютиков разыскивал одиноко «загорающих» водителей, спаливших всю деревянную обшивку машины, скорчившихся у баранок с не таявшей на лице ледяной пылью!

Перетащив одеревеневшего шофера в теплую кабину летучки, оставшись один на смертельно иссушающей все живое пятидесятиградусной стуже, натянув ватную маску на лицо, Лютиков деловито, неторопливо ремонтировал поврежденную машину, позволяя себе только изредка обогревать опухшие, растрескавшиеся руки в чадном пламени керосина, застывающего в такую лютую стужу, как студень.

Потом он объяснял шоферу:

— Главное, не надо на морозе зря суетиться, калории расходовать. Будь хладнокровным — и тогда порядок.

— Организм у тебя особенный, что ли?— с завистью спрашивал шофер.— Не зябкий.

— Организм у меня самый обыкновенный. Но он от головы зависимый. Не позволяю себе думать, что застываю, вот и не застыл ни разу.

— Ты что, от должности стал такой сознательный?—иронически осведомлялся водитель.

— И от должности тоже,— простодушно соглашался Лютиков.— Нравится быть начальством. Вот я и тянусь.

Накануне этого рейса Лютиков пришел домой поздно ночью. Он сам готовил машину в дальнюю поездку. Тамара спала, и на лице ее теплилась улыбка: таинственная, нежная, чуть высокомерная, блаженная улыбка, которую с таким благоговением запечатлевали на устах мадонн великие мастера. Но даже они, эти старые правдолюбивые художники, не решались изобразить на ликах своих мадонн все то, что так характерно для лица беременной женщины.

Тамара спала, а он, вытянувшись рядом с ней, не спал и терзался сознанием своей вины перед ней. Одутловатое лицо Тамары было в желтых ржавых пятнах, а губы ее, некогда нежные, словно апельсиновые дольки, набрякли, как опухшие раны. Она доверчиво прижималась к нему горячим, кругло торчащим животом. А он испытывал только чувство трепетного страха и ужаса перед тем, что так беспощадно изуродовало его жену. Он даже чувствовал себя убийцей Тамары. И он может стать ее убийцей, если Тамара погибнет в родах.

И когда он взволнованно поведал ей о своих переживаниях и скорбно просил прощения, Тамара, снисходительно выслушав, произнесла с горделивым превосходством:

— Ох, и глупый ты у меня! Я же просто сейчас счастливая.— И самоуверенно пообещала: — А вот скоро нас будет трое, и я стану совсем счастливой.

Лютикова поражало то, что Тамара, совсем недавно такая женственно застенчивая, теперь, казалось ему, бесстыдно, без тени стеснения говорит о своей беременности с посторонними.

Она была полна гордости своим материнством. И, казалось, хвастается им. Раньше она терпеть не могла ходить под руку, а теперь она всегда ходила с ним под руку, важно выпятив живот. Недавно в клубе она упорно дожидалась, пока все усядутся на свои места, и только после третьего звонка торжественно, неторопливо прошествовала через весь зал, тяжело опираясь на руку Лютикова, и не проходила на свое место до тех пор, пока весь ряд не встал, почтительно пропуская ее, и она снисходительно кивала знакомым, сохраняя на лице выражение какого-то особого достоинства.

Потом в фойе, когда седовласый начальник строительства поспешно принес ей стул, Тамара небрежным кивком поблагодарила его и, усевшись на стуле и осведомившись у начальника строительства, есть ли у него дети, стала важно излагать свои взгляды на принципы воспитания детей, утверждая, что будто бы все родители страдают излишним самомнением и поэтому не проявляют достаточной чуткости к психологии ребенка.

И начальник строительства виновато признался, что действительно так всегда бывал занят, что не имел возможности глубоко проникнуть в психологию своих детей, и они как-то неожиданно для него стали взрослыми, и теперь он бы мог исправить свои ошибки на внуках, но по-прежнему перегружен работой и опасается, как бы его внуки тоже неожиданно не стали взрослыми.

— Это очень нехорошо с *вашей* стороны,— осуждающе сказала Тамара.

— Совершенно верно, нехорошо,— сокрушенно согласился начальник строительства.

Никогда Тамара так придирчиво и нетерпимо не относилась к каждому слову и поступку Лютикова, как теперь.

— Ну что ты от меня хочешь, что придираешься?— жалобно спрашивал Лютиков.— Я такой, какой есть, и лучшим не буду.

— Нет, будешь,— жестко произнесла Тамара.— Обязан быть лучше, раз ты отец и будешь оказывать влияние на ребенка.

— А ты что, идеал, да?

— Мать может быть какой угодно,—хладнокровно парировала Тамара.— Достаточно, что она мать. Но отец, глава семьи...

— У тебя отсталые представления о семье.

— Это общечеловеческий принцип.

— А я по-советски считаю, кто из нас получше, тот для него будет главный.

— Я знаю, что я тебя получше,— гневно сказала Тамара,— но главным будешь ты. И не смей увиливать от ответственности!

Неожиданно Лютиков получил письмо из строительного института с извещением, что на основании его заявления и вступительной работы он принят в число слушателей-заочников.

— Но я же никакого заявления не писал?— удивился Лютиков.— Это же недоразумение.

— Это я писала,— сказала Тамара.— Я вовсе не желаю, чтобы отец моего ребенка не имел высшего образования. Скажи,— спрашивала нежно Тамара,— ты уже очень любишь нашего маленького?

— Я тебя люблю,— горячо сознался Лютиков.— А его просто боюсь, пока его нет.

— А я его уже больше тебя люблю.

— Что ж, я, выходит, буду третий в доме?

— Конечно.

И в эту ночь перед рейсом Лютиков почти не спал, страшась за Тамару, и все время вжимался в стену, боясь неловким движением толкнуть жену. Кто-то сказал ему, что родимые пятна на теле младенца возникают даже от испуганного пробуждения матери.

На рассвете Лютиков неслышно выполз из-под одеяла, захватив одежду, оделся в кухне. Крупными буквами написал на листке бумаги: «Люблю обоих изо всех сил». Положил бумагу на крышку кастрюли и ушел в мутный морозный непроглядный туман, на автобазу. Он подъехал на тягаче к дому приезжих, где его уже ждал Полухин, Нестор Фомич,— знаменитый по всему Северу бригадир бетонщиков.

Плотный, плечистый, с властным лицом, которое никогда не покидает начальственное выражение, Полухин имел звание «заслуженного строителя Башкирской республики». Был награжден на фронте тремя орденами Славы и множеством медалей, а за участие в строительстве Волжской ГЭС — орденом Ленина.

Полухин называл себя не бетонщиком, а мастером по цементации. Он специалист по починке скальных грунтов, которые служат основанием для различных сооружений.

— Меня министры, и те трепещут,— аттестовал себя Полухин.— А не то что обыкновенные руководители. Не дам абсолютную герметичность, и сядет все сооружение набекрень. Для всех граждан вода — это вода, а для меня она химический раствор. Она, сволочь, может сквозь гранитную плиту, как сквозь тюк ваты, фильтроваться. Есть такой академик Капица. Так он сверхтекучестью вещества занимается. Даже сквозь металл жидкость под давлением просачивает. Добился эффектика. А моя стезя: с такими эффектиками в обратном направлении бороться—на непроницаемость. Дать такой монолит, чтобы на него чего хочешь ставь, любой памятник эпохи, гидростанцию, завод, башню телевизионную. Я за свои постаменты перед всеми будущими временами отвечаю. И всегда сознаю, что отвечаю. Поэтому тираню беспощадно руководителей, чтобы у меня всегда материал был высшего назначения, выше всяких возможных ГОСТов.

Скальные днища котлованов Полухин отмывает сначала с мылом, надраивает щетками, продувает шлангами компрессора, шприцует трещины цементным раствором.

Не так давно Нестор Фомич с невероятным трудом окончил заочное отделение строительного института. Но то, что у него звание инженера, скрывает. С одной стороны, из самолю-

бия, чтобы не считаться молодым инженером; с другой — для того, чтоб козырять перед молодыми инженерами, будто он рабочий, а обладает инженерными знаниями не меньше их. Он любит строить из себя простачка в разговорах, этакого сметливого мужичка-самородка.

Полухин — депутат областного Совета. Выступив на очередной сессии с речью, он сказал:

— Умственные условия нашей эпохи дают возможность каждому человеку развернуть свои способности на полную железку. Обставляемся мы индустрией по последнему слову науки и техники. Нигде нет таких скоростных биографий, как у нас здесь, в Сибири. Приезжает мерзляк из вуза, а через несколько лет он командир производства, гонит по валу продукции на миллионы рублей. Личность!

А те наши хозяйственники, которые говорят, что им кадров не хватает, на самом деле показывают, что им ума не хватает, чтобы молодежь увлечь. Надо публиковать в газетах скоростные биографии тех, которые у нас стали личностями. Публиковать в качестве примера и положительного опыта. Молодежь любит высокие образцы. При этом надо поувлекательнее описать всякие трудности. Молодежь любит трудности. Хотя трудности вовсе ни к чему. И напирать нам надо не на то, что мы строим гидростанцию в условиях самых низких температур, а на то, что строим с применением самой высокой техники.

А теперь я поговорю не о трудностях, а о глупостях, их производящих.

И Полухин четко, сурово отчитал руководителей строек за промахи и ошибки, забыв притвориться, что он якобы только нутром понимает инженерное творчество...

Полухин был одет в обширный, теплый, как печь, тулуп с боярским воротником в целую овчину. Забравшись в кабину тягача, он заметил Лютикову:

— Однако же натопил помещение. Не жалеешь горючего.— Протер боковое стекло, поглядел на белый пожар северного сияния в небе и произнес глубокомысленно: — Светит, а отчего такое сияние, наука еще конкретно не определила.—Приказал:—Давай поехали...— Спустя некоторое время недовольно спросил Лютикова: — А ты чего со мной не разговариваешь? Или у тебя одна культурная потребность — кино?

— Правильно,— согласился Лютиков,— кино.

— Ну и зря,— сказал степенно Полухин,— человек растет через общение с другим человеком.

— А я уже вырос.

— Есть люди, которые по размеру костюма свой рост определяют.

— Вот я из таких,— сказал Лютиков.— Сорок восьмой мой номер.

— Обиделся?—озабоченно спросил Полухин.

— Нет, дорога не для трепа: увалы.

— Ну, тогда молчу,— поспешно согласился Полухин. Через некоторое время спросил:— А что, ежели я на часок сомкну вежды?

— Валяйте,— сказал Лютиков.

Полухин отвалился на спинку сиденья, выпрямив ноги в огромных белых валенках, прикрыл дряблые, напухшие веки и, мягко распустив лицо, задремал. Сразу же лицо его утратило властное выражение и стало по-стариковски слабым, как бы беспомощно-добрым.

И Лютикову стало неприятно оттого, что он так резко отвечал Полухину. Но он с самого начала был раздражен на Полухина за то, что тот сказал вчера начальнику автобазы:

— Вы что же мне парнишку на такой дальний рейс подсунули? Солиднее никого не нашли?

Начальник автобазы, хотя и дал самую лучшую характеристику Лютикову, все-таки заметил:

— А вам, Нестор Фомич, по существу, не к чему ехать. Могли бы и кладовщика послать.

На что Полухин ответил лукаво:

— Я человек доверчивый, не думаю про каждого, что он жулик. Но попадаются на моем пути реликвии прошлого. А у них особых примет нет, тоже на людей похожи...

Полухин спал почти весь день пути, на ухабах только иногда сползал на плечо Лютикова и, не проснувшись, бормотал: «Извините». Лютиков плечом отодвигал тяжелое тело в гигантском жарком тулупе.

Ночевали на заимке. И когда небо чуть окрасилось прозеленью, Полухин разбудил Лютикова. Полухин успел побриться, окропил себя одеколоном, был бодр, свеж и полон энергии. Он поджарил на щепках яичницу и сказал водителю:

— Питайся.

— А вы?

— А я лучок с хлебом пожевал,— весело ответил Полухин.—От яичницы воздерживаюсь: холестерин. В моем возрасте о личном бессмертии полагается беспокоиться. А лучок — он содержит витамины и слезу прошибает, дыханию содействует. На массах я лук не ем: некультурно. А вот в командировках приемлю.

Тундра блестела белой глазурью. Легкая снежная пыль искрилась в чистом сухом воздухе. И весь следующий день пути, как и первый, был не очень утомительный. Поэтому Лютиков решил не останавливаться больше на ночлег и за полночи добрался до перевалочного склада, расположенного на берегу реки.

Руки, ноги, спина Лютикова болели, будто он таскал все эти дни на себе непосильную тяжесть, и когда он спустился с тягача на землю, пошатнулся, потому что испытывал то, что испытывает человек после длительной морской качки: тягач качало в пути, как качает утлую лодку на морской волне.

Несмотря на усталость, он объявил бодро:

— Ну, я на часок зажмурюсь.

Он проспал три часа, но когда вышел на улицу, увидел, что санный прицеп пуст.

На перевалочном складе, где Полухин должен был получить по наряду цемент особо высокой марки, не попадалось погрузочных средств и даже людей, которые смогли бы произвести вручную погрузку.

Заведующий складом сказал брезгливо:

— Разве я склад? Свалка! Шел караван с последней навигацией, а в низовье лед встал. Выволокли все на сушу. Но разве это суша? В такой топи доисторические мамонты гибли, как кролики. А я, собственно, кто? Товаровед. И вот назначили.

— У тебя, друг, все-таки чин заведующего, ты и соображай,— сказал Полухин.

— Нет у меня рабсилы, нет!—И заведующий развел руками.

— А если к массам обратиться?

— А где тут массы? Нет тут масс. Население — три рыбацких избы. Мужики тайговать ушли. Одни бабы. Никаких мобилизаций не признают. Материальной заинтересованности тоже. С рыбы и песцов народ очень обеспеченный. У них только в одном случае общественный инстинкт проявляется — если с кем-нибудь беда. А так не расшевелишь, нет культурного навыка должностных лиц слушаться. По всякому пустяку кланяться приходится. Как все равно при первобытном коммунизме: поклонишься— сделают, не поклонишься — не сделают. Я тут с ними всю свою гордость потерял. По своим масштабам мой склад на данной местности, по существу,— главный очаг дальнейшего развития. Может, кладем основание будущему райцентру, а они не ценят.

— Ты не части,— брезгливо попросил Полухин.— Засыпал словами. Дай разберусь. Так кланяться надо, говоришь?

— Именно кланяться,— подтвердил заведующий.

— Ну что ж, это можно,— степенно произнес Полухин.

Он скинул на руки завскладом тулуп и оказался в ладно сшитом драповом пальто. Приподняв согнутым пальцем нависшие над губой усы, неторопливо, важно направился к рыбацким избам. О чем он там говорил с женщинами, неизвестно, но скоро он вернулся на склад в сопровождении рыбачек. Произнес, обращаясь ко всем:

— Ну так, гражданочки, в ваших руках стройка, быть или не быть. А без цемента нам гроб без музыки.

— Ты не канючь,— прикрикнула на Полухина пожилая женщина,— хватит канючить, говори, откуда и куда таскать. А то у нас и без тебя делов хватает.—И, усмехнувшись, добавила:— Мы тебя для смеха слушали про стройку, будто не знаем. Что у нас, радио нет? Оно хоть под музыку орет...

Молча, споро и быстро рыбачки грузили мешки в санный прицеп.

Полухин и завскладом с багровыми, натуж-

ливыми лицами тоже таскали мешки. Полухин спросил Лютикова:

— А вы что же, молодой человек?

Лютиков сказал:

— А мне нельзя. У меня на каждом рычаге нагрузка в тридцать килограммов. Мне обратно машину еще вести.

Полухин промолчал, но так осуждающе взглянул на Лютикова, что тому стало от этого взгляда обидно. Он промолчал, чтобы не выказывать себя здесь с лучшей стороны: пусть думают о нем плохо. Но ведь машину ему вести, и он не имеет права уставать сейчас, чтобы потом не иметь запаса сил, а без такого запаса, как и без запасных частей, нельзя уходить в дальние рейсы на Севере.

Кроме того, Лютиков брезгливо относился к ручному труду. Такой труд он считал как бы изменой эпохе торжествующей техники. И его самолюбие механика страдало всякий раз, когда он не мог помочь людям техникой. Вот когда после многодневной пурги рабочие строительства вышли на борьбу со снежным заносом не с топорами, как было прежде, а с бензомоторными пилами и вырезывали в плотной, как песчаник, многометровой снежной толще дорогу, Лютиков двое суток пропадал на авральных работах и наслаждался гордостью за технику, нашедшую себе новое применение.

Так же было, когда в прошлом году внезапным паводком сорвало баржу, груженную арматурным железом, и она с пробитым о подводную скалу днищем затонула. Вызвали вертолет. Пилот обнаружил баржу на небольшой глубине. Лютиков вызвался спуститься на баржу в легком водолазном костюме. Он обвязывал пучки арматурного железа тросом, опущенным с вертолета, и вертолет переносил их на берег.

— Ты же, Лютиков, тысячу тонн железа один поднял, почище Юрия Власова,— шутили потом на автобазе.— А ну, дай пощупать бицепсы.

— Мускулатура тут ни при чем,— уклонялся Лютиков,— техника решает.

...По наклонно положенным доскам Лютиков закатил на санный прицеп две мятые бочки с соляркой; сменил в моторе масло, принес охапку дров, рассовал поленья между мешков с цементом. Мало ли что может случиться в пути, разве у паяльной лампы обогреешься так, как у костра? В тундре дров не достанешь — одни мелкие, как кустарник, скорченные березки, корни которых растут не вглубь, а вширь: вечная мерзлота не пускает дальше; если вывернешь из торфяной почвы, корни топорщатся на манер прутьев зонтика.

Лютиков включил мотор и, склонив голову, стал слушать его мерное дыхание. Потом он открыл ящик с запасными деталями, осмотрел, что там было, положил в кабину траку и пальцы к ней. В такую, как сегодня, стужу не исключено, что какая-нибудь трака лопнет в пути: при низких температурах металл становится хрупким. И поэтому нельзя давать технике долго застаиваться, а то сдает у ней молекулярное строение, могут образоваться волосовины трещин. Отцепил тягач от санного прицепа и стал медленно гонять машину вокруг склада, высунувшись в открытую дверцу кабины и прислушиваясь, не бренчат ли катки. Когда он вернулся, санный прицеп был уже нагружен и аккуратно обтянут новеньким брезентом.

Полухин с багровым счастливым лицом, сияя маслянистым носом в мраморных синих и розовых прожилках, в распахнутом тулупе гонялся за разбегавшимися рыбачками и с хохотом кричал:

— Я же старый, дряхлый! Я вас как дед желаю облобызать. А ну, внучки, кидайтесь ко мне, пока я такой добрый!

Но без помощи женщин он никак не мог забраться в кабину тягача. Протянув сановито руку завскладом, Полухин спросил:

— Так, говоришь, честность тебя заела?— Подмигнул.— Но ежели судить по твоей комплекции, нет у нее на тебя аппетита.

Рыбачки, окружив машину, махали Полухину рукой и приглашали его снова приехать отведать ухи.

А с Лютиковым никто не прощался, будто его здесь и не было.

— Хороший народ, теплый,— сказал Полухин и добавил значительно: — Общественный.

— А вы надрались.

— А тебе завидно?

— Хорош депутат!..

— Слушай, парень!— сурово сказал Полухин.— То, что спиртное мне противопоказано, это я и без тебя знаю: сердце. Вот оно.— Положив на грудь толстую сизую ладонь, Полухин озабоченно прислушался.— Болит, понимаешь. Но это не от вина — от мешков с цементом.— И произнес грустно:— Я на такую тяжесть уже не способный.

— Чего же тогда на пенсию не уходите?

— Один на один со старостью своей остаться? Не желаю! А потом техника. Техника растяжку рабочего возраста человеку обеспечивает. Ум требуется — это да. А я еще не какой-нибудь инвалид умственного труда, у меня шарики крутятся. Дозатор-автомат кто смонтировал? То-то же!— Отвалившись на спинку сиденья, Полухин сказал:— Вот мечтаю я о цемент-пушке для тоннельных работ, и чтоб она не давала большого отскока материала от поверхности, а то все они недостаточно экономичны.

— А другой мечты у вас нет?

Полухин пытливо посмотрел на водителя.

— Может, ты про свою мечту сначала скажешь?

Лютиков ничего не ответил.

Полухин, заглядывая в зеркало, вмонтированное у переднего стекла кабины, повернул его, чтобы было лучше себя видно, помял щеки пальцами, объявил со вздохом:

— Вот гляжу я на свой портрет — мужик видный, а женщины стариком обзывают. А чем я старик? То, что плешивый, так плешь не увечье. Я ею в молодости обзавелся; волос, видать, полез оттого, что я любитель мехового головного убора. В помещении и то не всегда снимал и в бараке в шапке спал, чтобы башку не студить.

— А вы женаты?

— Уколол,— ухмыльнулся Полухин.— Это ты меня за рыбачек пронзил. Так я для чего развязным был — для их же веселья.— Произнес грустно:— На самом-то деле я на женщин застенчивый, уважаю я их. Женился я при полном возрасте на фронте. Регулировщица была. И нашим же танком ее на дороге сбили. Завернули в плащ-палатку то, что от нее осталось, и похоронили в Цвиккау. На этом вся моя женатая жизнь и кончилась.

— А почему потом не женились?

— Так как же я могу,— испуганно спросил Полухин,— ежели я ее до сих пор всю помню? Это же некрасиво получится.— Опустил голову, произнес глухо:— У ней, понимаешь, глаза такие хорошие были, я всегда думал, что когда она такими глазами глядит, все ей видится хорошим, чистым, и я, значит, тоже...

— У моей жены глаза тоже особенные,— сказал Лютиков.

— Глаза у человека — удостоверение его личности,— сказал Полухин.— Словами врать легко, а глазами невозможно. Это факт.

— А мы маленького ждем,— объявил Лютиков и сконфуженно ухмыльнулся.

— Ну!..— обрадовался Полухин.— И скоро?

— Да вот, может, без меня...

— Так ты, выходит, потому такой нервный?

— Ну, все-таки, знаете, у ней еще опыта нет,— смятенно сказал Лютиков.

— Чего же ты молчал?— рассердился Полухин.

— А чего говорить, когда рейс.

— Так слушай меня!— приказал Полухин.— Ночлежки в пути ликвидирую. Будем по очереди машину вести. В МТС я на тракторе работал.— Оглянулся, спросил:— Что у тебя там в термосе?

— Чай.

— Так я побольше его выдую, чтобы окончательно отрезветь. Прикорну маленько и тогда сменю. Я мужик способный, ты не сомневайся. А если насчет законности, я же депутат...

Держа между ладонями пластмассовый стаканчик и прихлебывая чай, Полухин возбужденно рассуждал:

— Земля, тебе ведомо, была спервоначалу холодным телом,— заглянул в окно, на искрящуюся стужей тундру,— примерно так же от холода застывшая, и только впоследствии стала разогреваться из-за распада радиоактивных элементов.

— А почему тогда здесь, на Крайнем Севере, находят следы растений и животных, встречающихся только в тропиках?

Полухин ошеломленно поднял кустистые брови, шумно задышал, потом расхохотался:

— Это ты поддел не меня, а ученого, у которого я это вычитал. Ну, Лютиков, башка!..

Но Лютиков только кротко улыбнулся и жалобно попросил:

— Нестор Фомич, вы же обещали...

— Что такое?

— Поспать.

— Это точно,— согласился Полухин.— Взял такое обязательство.

Навинтив пластмассовый стаканчик на термос, Полухин завернулся получше в огромные меховые полы тулупа, прикорнул на сиденье и почти тотчас заснул. Но на лице его долго еще оставалась озорная ухмылка. Но потом лицо размякло, распустилось и стало дряблым, невыразительным, нижняя губа слабо отвисла.

Наст скрипел под гусеницами тягача, трещал, лопался, и длинные трещины расползались по его ледяной поверхности, как по разбитому стеклу. Сначала медленно, вкрадчиво начала дуть поземка, марлевые снежные полосы низко волоклись по земле и песчано шуршали. Но ветер набирал силу и скоро стал дуть яростно. Началась пурга, снежная буря. Тягач шел сквозь бело-пыльную бурю, и снежные волны хлестали в переднее стекло, как белая пена. Белая пурга переросла в черную пургу. Ветер выдул снег, поднял его и теперь вздымал земляной покров тундры, и черные вихри застлали все пространство как бы черным, ревущим дымом.

Прожектор, установленный на тягаче, потускнел, ослеп, залепленный черным снегом.

Лютиков не сбавил скорости, хотя и вел машину вслепую, ориентируясь на компас и часы. Он знал, что с этой скоростью он пройдет знакомое плоское пространство тундры за семь часов, а дальше начинаются увалы и потом снова тундра, но уже заболоченная, с множеством прочно застывших до самого дна озер.

Проснулся Полухин, потребовал уступить водительское место.

Лютиков сказал:

— Нельзя вам: видимости нет.

Полухин заявил:

— А на черта мне видимость! Я на пейзажи не реагирую, надоели мне тутошние пейзажи. А компас я не хуже тебя понимаю. Солдатом в разведке им пользовался, и он меня не подводил. Я его тоже.

Полухин пролез на водительское место, сильно прижав при этом Лютикова к щитку толстым, овальным брюхом. Распахнул тулуп, поставил ноги на педали, положил руки на рычаги. Некоторое время Лютиков беспокойно следил, как Полухин ведет машину. Убедившись, что справляется, склонился на сиденье и уснул.

Проснулся он мгновенно оттого, что машина остановилась. Полухин признался виновато:

— Сомлел, понимаешь, с непривычки.— Жадно отхлебнул чай, потер грудь, пожаловался:— Сердце, гадюка, давит.— И, отвалившись на сиденье, закрыл глаза. Дряблые веки его вздрагивали.

Взглянув на часы, Лютиков удивился. Оказывается, Полухин вел машину больше пяти часов.

Скоро начались увалы, здесь не так сильно бушевала пурга, но одолевать подъемы, а самое главное, спускаться с них с груженым прицепом — для этого понадобилось все виртуозное мастерство Лютикова. Были минуты, когда тягач, как металлическая мертвая глыба, скользя, катился со склона, грозя занестись поперек склона и перекувырнуться.

Работая рычагами, обливаясь потом, Лютиков приоткрыл дверцу со стороны, где спал Полухин, для того, чтобы в случае необходимости успеть вытолкнуть Полухина из гибельно кренящейся машины.

Когда Лютиков высунулся, приоткрыв дверцу со своей стороны, потное лицо его мгновенно обросло тончайшими ледяными чешуйками.

Кончились увалы, и снова началась тундра. Замерзшие до дна озера скрипели под тягачом, стальные плахи трак-гусениц глухо стучали по этим огромным ледяным слиткам. Пурга дула в борт машины, и тончайшая снежная пыль пробивалась в кабину так же, как пробивается тонкий песок жаркой пустыни в наглухо заделанные кабины вездеходов.

Проснулся Полухин и пожаловался:

— Однако зазябли маленько ноги. А ведь две пары носков из собачьей шерсти насадил, старушка одна связала, жалостливая.— Спросил:— Может, закусим? В брюхе вакуум намечается.— Разорвал тушку копченой утки, объявил:— От такой жирной пищи я себе только могилу зубами копаю: склероз.— Сообщил гордо:— Бетон тоже от него хворает: проникает вода и откладывает соли в бетонных порах.— Похвастался откровенно:— Но я одну штуку придумал — опалубку из прессованных торфяных плит, чтобы капиллярный подсос уменьшить. Обеспечиваю этим ему бессмертие.

Машину сильно бросало на мелких валунах. Полухин сказал с неудовольствием:

— Летом я гидротранспорт предпочитаю. Только вот мошкара и комары докучают. Прошлое лето они из меня не меньше ведра крови высосали. И заметь, кусают только самки комаров, а сам комар — мужик кроткий.— Произнес мечтательно:— Я у фашистского летчика комбинезон с электроподогревом видел, вот бы сейчас нам с тобой такую технику!

— Что же вы себе такой комбинезончик на память не взяли?—насмешливо спросил Лютиков.— Пригодился бы.

— Так я его просил, фашиста: сдайся добром. Не пожелал, все отстреливался. Пришлось успокоить.

— Где же вы с ним встретились?

— На аэродроме ихнем, когда десантом обрушились.

— Вы что же, и парашютистом были?

— Довелось.

— И как вас парашют только выдерживал?

— Чудак,— улыбнулся Полухин.— Да разве я всегда такой, как сейчас, солидный был? Гимнастерку носил 38-й размер, а теперь 46-й шею давит...—И вдруг лицо Полухина приняло надменное выражение. Заявил властно:— Однако хватит трепаться, мой черед машину вести.— Положив пухлые руки в крупных ярких рыжих веснушках на рычаги, сказал сердито:— Я своей продолжительной жизнью очень доволен и меняться, к примеру, с тобой возрастом не стал бы.

Машина гулко бренчала гусеницами по тверди сплава льда и камня. Полозья санного прицепа визжали.

Ночью машину вел Лютиков. Да и была это вовсе не ночь, а просто пасмурный день, без теней, без солнца, и небо само светилось, печально пустое. И все было белым, безмолвным, мертвым.

Лютиков думал о том, что вот современные радиотелескопы ловят волны, возникшие тогда, когда земли еще не существовало. Эти волны идут со скоростью триста тысяч километров в секунду, но чтобы они пришли на землю из далекой галактики, для этого нужно почти десять миллиардов лет. И эти старые радиоволны ловят сейчас наши люди, но прочесть их еще не могут, а придет время, и люди прочтут их.

А пока у вселенной свои великие тайны, не познанные человеком. Но у него, Лютикова, есть нечто более важное и нужное ему, чем эта таинственная жизнь вселенной, и зря он так сердится на Тамару, когда она, вынимая из своих черных волос шпильки, каждый раз кладет их в пепельницу. Вот он обиделся на Тамару, когда она сказала, что больше любит будущего маленького, чем Лютикова. Все существо Лютикова сейчас трепетно замирало от жадной, нетерпеливой любви к тому, кого еще не было, но кто уже существовал в Тамаре как бы продолжением его самого, и это продолжение его жизни в другом, прекрасном, даровала ему его жена. И Лютиков гнал тягач, повинуясь своему нетерпению, работая рычагами и педалями с той непринужденной грацией, которая приходит к человеку, когда он всем своим существом как бы сливается с машиной.

Небо стало подслащивать розовая заря. Нестерпимой белизной разблисталась снежная скорлупа Заполярья. Она хрустела под железом, трещала и лопалась. Сверкающая белыми искрами снежная пыль вихрилась и потом долго висела в воздухе.

Лютиков вывел машину с пологого берега на лед реки. На продутой ветрами глади гусеницы буксовали, и машину заносило. Пришлось сбавить скорость, объезжать утесы торосистого, слепительно сверкающего льда. И уже близок был противоположный берег, когда Лютиков сначала услышал глухой гул, перешедший в пронзительно-тонкий лопающийся звук, потом ощутил как бы колыхание всего ледяного пространства, и что-то легко опустилось под ним. Стеклянный звон возрастал, перерождаясь в грозный треск. Еще не давая себе полного отчета в случившемся, Лютиков распахнул дверцу и сильным движением плеча вытолкнул из кабины Полухина. Дав газ, включил скорость и в треске и грохоте помчал машину. Вода хлынула в кабину, но машина, вынырнув, вползла на берег и стала. Лютиков ударился головой о стекло и снова услышал ледяной треск и звон. И все потемнело.

— ...Вот, брат, чуть было мы с тобой на тот свет не перебазировались,— сказал Полухин, обвязывая голову Лютикова. И похвалил:—Это ты правильно меня из кабины выкинул. Сработала, значит, у тебя психическая механика, облегчил машину. Но я тебе тоже облегчение сделал, посодействовал,—и показал на одиноко стоящий на льду санный прицеп.—Успел я, значит, его отцепить, а то бы с таким грузом не выдраться, потонул бы ты, как тот топор, вместе с тягачом.

— Что же ты понаделал?— гневно спросил Лютиков.— Кто тебя просил так паниковать? Сгубил груз!

— Это ты меня не искренне оскорбляешь, не искренне...— благодушно сказал Полухин.

— Побоялся, что вместе с прицепом под воду уйдем и нечего будет потом хоронить с музыкой?

— Ну, как мне с моим прахом распоряжаться, это я без тебя решу, с музыкой или без музыки,— огрызнулся Полухин.— Теперь словами только делу служить нужно, кончать надо с переживаниями. Это я тебе пока дружелюбно говорю.

— А как прицеп теперь вытащить? Льдина под ним и так, видал, грузнет. Вот-вот и потонет.

— Наблюдаю,— холодно сказал Полухин,— наблюдаю и думаю...

Красное, без лучей солнце тяжело повисло на краю горизонта. Воздух космической чистоты источал едкую стужу.

Полухин сказал:

— Ты, я видел, дровишек без наряда нахватал с перевалочного склада. Надо их с прицепа забрать, костеришко развернем, для веселья. А то я человек к скорби непривычный.— Задумался.— Лед мы, значит, чинить не будем, не наша забота его чинить. А вот титулы стивидоров я тебе и себе присваиваю.

— А что нам грузить — друг дружку, что ли?

— Мешочки с цементом,— ласково сказал Полухин.— Перетаскаем мешки на берег, потом пустой прицеп подтянем к берегу и снова в путь — только и всего делов.— Улыбнулся.— А ты что ж думал? Если я не сложил тут свою плешивую голову, так она у меня не работает? Работает, как руководящий центр не только моего естества.

Полухин скинул тулуп с мокрыми полами на землю, поглядел на валенки, сказал осуждающе:

— Гигроскопическая вещь. Но я ее приспособлю. А то вода — штука мокрая.— Ступил на лед и быстро окунул в воду сначала одну ногу, потом другую.— Видал охотнический способ? Промокнуть не промокнешь, а сверху их льдом прохватит, теперь воду не пропустят. Сухие, выходит, ноги у меня будут. Такая им, значит, радость выпадает!

До самой ночи они перетаскивали мешки с цементом на берег. Потом приволокли прицеп. Но загрузить его уже не было у них сил. Полухин лежал у костра на разостланном брезенте. Глаза его болезненно блестели, словно обернутые в целлофановую пленку. И скорее из желания ободрить Лютикова, чем из потребности говорить, бормотал:

— Хоть я и отягчен брюхом и опечален плешью, а смотри, какой еще износоустойчивый. Живу! Живу на одной скрытой нервной мощности от приятных переживаний, что не утоп.

Лютиков с брезгливым выражением слушал Полухина, копаясь в моторе и изредка обогревая руки под мышками.

Паяльная лампа стояла под картером тягача, разогревая застывшее масло. Над костром висело ведро с водой для заправки радиатора горячей водой. Лицо Лютикова было в синих пятнах озноба. Тягач выглядел как ледяная глыба. Потом они складывали мешки на прицеп. Каждый мешок поднимали вдвоем, потому что одному поднять не было сил.

На Лютикове валенки Полухина. Свои ноги Полухин обмотал изрезанной плащ-палаткой. Часто оба падали вместе с мешками на прицеп

и с трудом подымались. Кровавя руки, вырубили лед из ходовых частей тягача, и снова тронулся в путь тягач с прицепом, в светлых сумерках полярной ночи без теней, без звезд, пробивая себе траншею в белом сухом снегу, сам похожий на обломок ледяного утеса.

И когда наконец показалась ажурная радиомачта поселка, Полухин провел ладонью по опавшему лицу и сказал озабоченно:

— Однако оброс! А волос у меня некрасивый, рыжий и жесткошерстный.— Вытащил из сумки механическую бритву «Спутник» и начал закручивать пружину. Но вдруг отказался от своего намерения бриться, протянул бритву Лютикову: — А чего мне, собственно, парадиться? Не для кого.— Усевшись на место водителя, Полухин, щурясь на невыносимый блеск снежной равнины, задумчиво улыбался, потом сказал робко:— А ведь имел и я счастье выше темени. Еду, бывало, на санитарной, а она стоит с флажками, как с крылышками, и машет ими. Воевал я, знаешь, не аккуратно: часто подшибали. И вот увижу ее — и сразу ничего не больно. Упрусь локтем о подвесную койку, гляну в стекло на нее — и всех офицеров ревную, которые свободно по фронтовым дорогам ездят и могут, где хотят, остановку сделать и по собственному желанию у любой регулировщицы про дорогу спросить.— Зажмурился.— Вот всю ее я на всю свою жизнь насквозь помню...

Когда подъехали к складу, лицо Полухина вновь обрело властное, надменное выражение, набрякло сизой кровью, словно он тужился. Крикнул сипло завскладом:

— Давай моториста с автопогрузчиком, живо! И чтоб все аккуратно. Если хоть один мешок порвете, башку оторву.— Бодро выскочил на землю, но пошатнулся и, прислонившись спиной к тягачу, спросил:— Закурить найдется?— С наслаждением затягиваясь, сказал:— А то после смерти не покуришь!— Протянул рыхлую руку Лютикову, произнес задушевно и нежно:— Спасибо, Сережа. Прокатил ты меня очень даже хорошо.— И ушел в склад, чтобы осмотреть помещение, где будет храниться его цемент особо высокой марки.

Лютиков вошел к себе в дом. В комнате горел свет, хотя на улице полярный день.

Тамара сидела в шубе возле стола, на котором стоял будильник и зеркало. И она смотрела не то на будильник, не то в зеркало с отчаянным выражением. Глаза ее запали. На лице сильно обозначились уродливые ржавые пятна. Сверкнув огромными черными глазами, она спросила:

— Явился? Явился, да?— И, уронив голову на руки, вдруг заплакала.

Лютиков опасливо покосился на живот Тамары. Нет, все благополучно. Значит, еще ничего не было.

Тамара вскочила, подошла вплотную, положила голову ему на грудь, а руки на плечи. Замерла. Потом спросила жалобно:

— Я стала очень некрасивая, да? Очень? И ты теперь меня меньше любишь? Да?

Лютиков пролепетал растерянно, счастливым голосом:

— Я же весь холодный. А ты жмешься. Так простудить его можно. И родишь простуженного!

Тамара, отстранившись, негодующе посмотрела на Лютикова:

— Ты почему бритый? Почему?

— Да я же для тебя,— сказал кротко Лютиков.— Уже у самого поселка брился,— оправдывался Лютиков, сейчас больше всего на свете гордясь тем, что Тамара так недоверчиво, ревниво смотрит на него.

И он бережно поцеловал ее в дрожащие опухшие губы, в сухие растрепанные волосы и в мокрые глаза, сияющие, как черные солнца...

В космическом гигантском небе, висящем над ледяным мертвым пространством тундры, возникали таинственные всплески северного сияния. Возникали и гасли и снова возникали. А по бесконечному пространству тундры тянулась зубчатая борозда от стальных плах гусениц тягача. Сухие снежные струи поземки уже начали заметать этот след, и очень скоро он исчезнет навсегда. Даже в памяти тех, кто проложил этот след. Ибо это был след всего-навсего самого обыкновенного рейса. А кто их здесь запоминает на всю жизнь, такие рейсы? Пожалуй, никто.

К. Е. МАКОВСКИЙ

Сын выдающегося художника К. Е. Маковского Сергей Кочстантинович прожил большую жизнь в искусстве. Родился он в 1877 году, а с двадцатилетнего возраста стал выступать в печати. С. К. Маковский трудился во многих литературных жанрах, но немалую популярность он приобрел в свое время как критик в различных областях искусства. С. К. Маковский был заметной фигурой в художественной жизни дореволюционной России: он принимал участие в создании журнала «Старые годы», основал журнал «Аполлон», возглавил в 1910 году русский отдел на Международной выставке в Брюсселе и организовал открывшуюся в том же году выставку художников «Мир искусства» в Париже, устроил два года спустя выставку «Сто лет французской живописи (1812—1912)» в Петербурге.

Находясь после революции в эмиграции, Маковский много сделал для популяризации русского искусства за границей.

Полученные мною письма С. К. Маковского содержат ряд трогательных признаний. Он с горестью пишет: «Доживаю свой век в эмиграции» — и именует себя «современный поневоле русский парижанин». В другом письме такие строки: «Эмиграция духовно вымирает. Трудно, трудно одному работать в мои преклонные лета!» В 1962 году С. К. Маковский скончался в Париже в 85-летнем возрасте.

В последние годы жизни Сергей Константинович работал над своими мемуарами. И ему действительно было что рассказать в них, так как начиная с молодых лет он дружил со многими замечательными людьми России и Западной Европы. Записал С. К. Маковский свои воспоминания и об отце.

Получив эти воспоминания, появившиеся за рубежом, я был поражен тем, с какой объективностью он оценивал сложный и противоречивый творческий путь художника-отца. Ведь, выступая в печати с воспоминаниями о своих родителях, получивших широкую известность, их дети чаще всего не могут отрешиться от елейного тона. В этом Сергея Константиновича никак не обвинишь. Скорее он повинен в том, что далеко не в полной мере оценил художнические достижения отца. Зато для определения причин тех неудач, которых было немало в творческой жизни Константина Егоровича, его сын нашел на редкость точные слова. Да, действительно он прав, когда утверждает, что, сделавшись знаменитостью, его отец как художник шел «по линии наименьшего сопротивления», что в таких случаях его творчество развивалось «по линии салонной эстетики». Как убедительно в одной фразе сумел Сергей Константинович объяснить причины той «обидной популярности», которую принесла талантливому художнику «сладкая красивость»!

Сам Константин Егорович Маковский сознавал, что свое большое дарование использовал далеко не полностью. Вот что писал он в автобиографии, появившейся в журнале «Огонек» в 1910 году в связи с 50-летием его художественной деятельности: «Я не зарыл своего, богом данного, таланта в землю, но и не использовал его в той мере, в какой мог бы. Я слишком любил жизнь, и это мешало мне всецело отдаться искусству».

Вместе с тем этот художник был на редкость одаренным и многогранным мастером. Когда на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году он показал свою картину «Минин», вызвавшую диаметрально противоположные отклики, Горький счел нужным выступить в печати с таким утверждением: «Хорошая картина! Быть может, она несколько тускла — в ней мало солнца, мало блеска... Зато жизни много». И. Е. Репин считал Константина Маковского «истинным художником» и далее писал: «По-своему он был мне симпатичен; как цельная натура, как мастер своего дела, достаточно оцененный своею страной». И даже А. Н. Бенуа, обычно оценивавший с других позиций, чем Репин, творчество живописцев, говорил о Константине Егоровиче: «Попробуйте «открыть» Маковского, и я уверяю вас, вам это удастся, вы вдруг неожиданно для себя увидите, что перед вами исключительно мастерские произведения живописи и, мало того,— произведения, не лишенные поэзии». И далее А. Н. Бенуа признается, что балет «Петрушка», созданный Стравинским и им, «как бы вышел из картины Маковского «Балаганы».

Мемуарная литература о Константине Маковском крайне бедна. Уже по одному этому воспоминания его сына представляют безусловный интерес. Но они к тому же весьма содержательны, написаны ярким, образным языком. Некоторые страницы этих воспоминаний здесь публикуются.

И. ЗИЛЬБЕР ШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

ОТЕЦ

Помню такой случай. Я был еще ребенком — большеглазым, с золотистыми кудрями, отец любил пользоваться мною как моделью, и это позволяло мне обозревать его мастерскую.

Как восхищала меня эта очень высокая и просторная мастерская с огромным окном налево от входной двери, пахнувшая скипидаром, вся заставленная старинной мебелью: шкафы, витрины, столики с плоскими ящичками для красок; баулы, ларцы из слоновой кости, кованые рундуки, букеты кистей в китайских вазах, набитые паклей манекены и на стенах, до самого потолка, картины, гипсовые слепки, оружие. В глубине — арка в соседнюю теменоватую комнату, тоже занятую всякими редкостями; оттуда несся многоголосый канареечный щебет: заморских птиц пестовал ютившийся в каморке рядом старый слуга отца Алексеич, маленький, щуплый, сморщенный, с серебряной серьгой в ухе; он перешел к нам, кажется, по наследству от деда (превосходный портрет Алексеича за самоваром попал в Третьяковскую галерею).

Как-то утром (отец работал неизменно по утрам) увязался я за ним, хоть и не предстояло мне позировать. Посреди мастерской на мольберте — холст аршин трех в высоту; рядом передвижная лесенка с площадкой для работы над верхом картины; на холсте, протертом кое-где жидким тоном, лишь намечены контуры фигур.

Часу не пробыв с канарейками Алексеича, вернулся я к отцу, а начатого холста и не узнать: подмалевок ожил, не только цвета обозначились (по предварительным этюдам), но и вся композиция выступила из первоначальной туманно-

К. Маковский. 1839—1915.
МАЛЬЧИК АРАБ. Этюд.

Государственная
Третьяковская
галерея.

К. Маковский. АЛЕКСЕИЧ. 1882.

Государственная Третьяковская галерея

сти. Вдруг — люди, освещение, воздух, ткани, вспыхнувшие контрасты... Как по волшебству!

Сколько я ни знал художников, никто не работал непринужденнее, с такой непосредственностью, словно и задумываться не над чем, словно сами собой смешиваются на палитре краски и кисти по холсту порхают, оставляя мазки как раз там, где надо. Много портретов написано отцом alla prima*; именно эти-то, пожалуй, самые удачные, так же как этюды природы под открытым небом в один присест. С заказчиками бывали такие случаи. После первого же сеанса портрет готов, остается только подписать и, когда высохнет, покрыть лаком (писать еще — только портить). Но заказчик, не искушенный в живописи, протестует: слыхано ли такие деньги платить за какие-то два-три часа работы? Приходилось хитрить:

— Вы меня не поняли, мне понадобится еще с месяц, чтобы закончить от себя...

И через месяц, к общему удовлетворению, портрет отсылался заказчику в первоначальном виде.

В первой стадии, в стадии этюда или эскиза, работы отца почти всегда изумляли жизненной правдой и техническим блеском. Они делались хуже, за редкими исключениями, после щегольской выписки при помощи характерной для него кудреватой штриховки кистью. Ему решительно не хватало вдумчивой оглядки на себя, конечно, не от самодовольства, а от легкомысленного отношения к живописной сути и от недостаточно вдумчивой влюбленности в чувственные чары природы.

По линии наименьшего сопротивления, по линии салонной эстетики того времени развивалась и деятельность отца, с тех пор как он сделался прославленным портретистом. Красивостью не исчерпывается красота, и задачи мастерства не сводятся к технической умелости. Ловкость кисти часто во вред живописцу, а не на пользу; виртуозная легкость не дает додумать, а то и выстрадать живописную плоть. Многие холсты отца портит нарядная маэстрия, в особенности иные портреты светских и несветских красавиц и приторные «идеализованные» женские головки, завоевавшие ему такую обидную популярность.

А талант был большой — я разумею прежде всего способность легко, уверенно, мастерски воспроизводить натуру. Никто, пожалуй, из русских художников не владел так виртуозно даром живописной скорописи! Без колебаний, без самомучительства, с ребячливым азартом, мурлыча себе под нос или посвистывая (необыкновенно музыкально), брался он за кисти и сразу разрешал задание, находил композицию и цветовую гамму, перенося на холст то, что видел, вернее, то, что хотел видеть в природе.

Слава Константина Маковского выросла быстро, его холсты продавались нарасхват. Соответственно увеличивался и заработок, что позволяло широко жить не в пример большинству наших художников. Эта же удача, поощрявшая труд поспешный на непритязательный вкус времени, мешала отдаваться творческим исканиям высшего порядка, хоть и обнаруживаются эти искания во многих его работах. Головокружительный успех, академические навыки и соблазны броской нарядности, подсказанные требованиями общественной среды, влияли губительно на его искусствопонимание, сбивали с пути, от строгого выбора уводили к эффектной дешевке. Это и давало право говорить критикам о позднейших его холстах: «Блестящи, но поверхностны и редко правдивы»...

Но ранние работы свидетельствуют о том, что он мог развиться совсем поиному и достичь непререкаемых высот художеств.

Константин Маковский отдал дань всем родам живописи, с тою же легкостью разрешал любое задание и, к сожалению, почти всегда с одинаковой приблизительностью. Таков его вкус, ничего не поделаешь! Но талант всюду бьет ключом. Отца одинаково увлекали пейзажи, жанровые сцены, узорная московская Русь, декоративные аллегории, иллюстрации к литературной героине, наконец, всевозможные нарядные импровизации вплоть до ширм рококо и золоченых носилок с гирляндами амуров. Вряд ли какой-нибудь художник обладал более широким диапазоном. Не удивительно, что во всех этих областях он поддался искушению скороспелого, поверхностного размаха, не успевая продумывать деталей и сосредоточиться на избранной задаче.

Все же самым значительным его наследством являются портреты. Их много. Целая галерея современников, почти вся Россия — артистическая, чиновная, деловая, литературная, научная, аристократическая — в этих портретах, почти всегда очень похожих, хоть и нарисованных подчас с неприятным ремесленным brio.** Если бы можно было собрать их воедино независимо от их качеств, какой получился бы документ эпохи!

---

* Без предварительной подготовки (итал.).

** Блеском (итал.).

До Токио — один шаг

Только что Юрий Власов поднял в заключительном движении — толчке — 207,5 килограмма. Он вернул себе мировой рекорд в сумме трех движений!

Сейчас, после чемпионата Европы по тяжелой атлетике, можно считать, что советским богатырям до Токио остается сделать один шаг. После чемпионата СССР, который будет проведен в Киеве в половине июля, окончательно определится состав олимпийской команды.

Не так-то просто приходится руководителям нашего тяжелоатлетического спорта. Положение у них поистине тяжелое: слишком много претендентов на поездку в Токио, а состав команды всего-то семь человек, по числу весовых категорий! И надо сказать, что штангистская молодежь основательно подпирает прославленных атлетов. Это в полной мере было доказано на европейском первенстве, где в большинстве весовых категорий выступали молодые спортсмены.

В легчайшем весе вместо чемпиона Европы А. Вахонина борьбу с иностранными гостями вел штангист В. Марзагулов и уверенно завоевал золотую медаль. В полусреднем весе хабаровец В. Куренцов не только заменил сильнейшего штангиста мира А. Курынова, но и закончил свое выступление новым мировым рекордом в троеборье — 445 килограммов! В полутяжелом весе не выступал сильнейший штангист Европы Г. Троицкий, показавший в этом году исключительно высокий результат — 482,5 килограмма, но его с успехом заменил В. Голованов, земляк Куренцова. Он победил, повторив официальный мировой рекорд англичанина Л. Мартина — 480 килограммов.

Штангисты Хабаровска оказались героями европейского чемпионата: ведь в легком весе золотую медаль завоевал также дальневосточный атлет, учитель Куренцова и Голованова — В. Каплунов. Лишь в одном весе — среднем — наш молодой спортсмен В. Шишов не смог заменить одного из лучших штангистов мира, Р. Плюкфельдера. Впрочем, вероятно, и Плюкфельдеру было бы нелегко состязаться с венгром Д. Верешем. Однако золотую медаль неожиданно завоевал ученик Вереша — Геза Тот!

Вообще Венгрия выставила отличную команду, которая оказалась нашим самым серьезным соперником почти во всех весовых категориях, в том числе и тяжелой.

Борьба в этом весе достойно завершила чемпионат Европы. Юрий Власов, хоть он и вел спор с венгерским штангистом К. Эчером (одним из тех тринадцати спортсменов, которым удалось в сумме трех движений поднять 500 килограммов), видел перед собой, конечно, другого атлета — Л. Жаботинского. Как известно, Жаботинский в марте улучшил мировой рекорд Власова, подняв в сумме трех движений 560 килограммов. После первого же подхода в первом движении — жиме — стало очевидным, что Ю. Власов намерен не только завоевать в шестой раз титул чемпиона Европы, но и продолжить спор с Жаботинским. Власов начал жим со 180 килограммов, когда все штангисты уже закончили выступление. В третьей попытке Власов поднял 190 килограммов, а когда зафиксировал в рывке 165 килограммов, все поняли, что мировой рекорд Жаботинского висит на волоске. Власову достаточно было поднять в толчке 207,5 килограмма, чтобы вернуть себе мировой рекорд. И Власов поднял этот огромный вес!

Интереснейшая борьба двух советских тяжеловесов на этом, конечно, не закончилась. Когда мы спросили старшего тренера сборной команды СССР А. Воробьева, долго ли продержится новый мировой рекорд, он сказал: «До чемпионата страны. А там будет доведен до 570 килограммов». Да и сам Власов считает, что волнение и усталость не дали ему возможности использовать все силы в толчке.

Вот каких заоблачных высот достигли советские тяжеловесы! Семь лет тому назад, когда Власов начинал выступать на помосте, мировой рекорд американца П. Андерсона был равен 512,5 килограмма. В те времена американцы обычно выставляли на крупных международных соревнованиях двух штангистов тяжелого веса, а мы сплошь и рядом вообще не выступали в этой весовой категории. Теперь времена переменились: в Токио в тяжелом весе могут выступать два советских спортсмена — Ю. Власов и Л. Жаботинский.

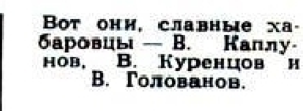
В. ВИКТОРОВ

Фото А. Бочинина.

Геза Тот, венгерский штангист, завоевал золотую медаль в среднем весе. ◄

Вот они, славные хабаровцы — В. Каплунов, В. Куренцов и В. Голованов.

А теперь тщательн

Генрих БОРОВИК, обозреватель «Огонька»

Этот снимок был опубликован в «Луке».

Джорджетта Оресанья комментирует статью Данбара.

Фондемы, снятые для журнала «Лук».

Во время последних парламентских выборов в Англии лейбористы большим тиражом выпустили брошюру, в которой была напечатана программа консервативной партии. На последней страничке большие буквы призывали: «А теперь тщательно вымойте руки». Фокус заключался в том, что, если листок бумаги потереть руками, он начинал выделять хлопья мыльной пены.

Существуй международная журналистская санитарная инспекция, редакторам американского журнала «Лук» пришлось бы в каждый номер вкладывать такую мыльную страничку. А номер 9-й за нынешний год следовало бы продавать на выставке моющих и дезинфицирующих средств.

Дело в том, что в нем помещена статья о «дискриминации» негров... в Советском Союзе. Название сенсационное — «Восстание африканцев в России». Автор Эрнест Данбар — член редколлегии журнала. Вот некоторые из его доказательств.

«Один студент из Танганьики,— пишет автор,— объяснил мне: «В своих школьных учебниках они (советские люди.— Г. Б.) видят карту Африки с изображением льва, черного человека и подпись: «Это Африка, эти живут здесь». Они смотрят на африканца как на животное».

Африканцы угнетены «подавляющей мрачной русской зимой, долгими часами учебы, которых требует программа...»

«Любой африканец, который отправится в московский центр отдыха и развлечений — Парк имени Горького, рискует попасть в неприятность и почти обязательно подвергнется нападению, если появится там вместе с советской девушкой...»

«Африканские студенты недавно начали носить с собой ножи для самозащиты...»

«Когда секретная полиция сообщает о дружбе советской девушки с африканцем, на нее начинают оказывать давление на месте ее работы... Девушка рискует быть исключенной из школы, выгнанной с работы или даже сосланной...»

Доказательства Данбара настолько вызывающе нелепы, что спорить с ним, по существу, не имеет смысла. Но вот методологию клеветника разобрать стоит.

Ни одна фамилия, конечно, не названа: «Один студент из...» (следует название африканской страны) — очень удобная, хоть и несколько сомнительная ссылка, которая позволяет вложить в уста интервьюируемого любые, самые бредовые мысли, взлелеянные автором статьи. Но ведь автору требуется хотя бы какая-то видимость документальности! И тут на помощь приходят фотографии. Схема довольно несложная. В тексте написано: «Негры в Советском Союзе страдают от дискриминации». Рядом дается фото африканца на фоне какого-нибудь известного уголка Москвы — например, на фоне собора Василия Блаженного. Неважно, что на фото и в помине нет «дискриминации», неважно, что фамилия негра не названа. Психологический расчет таков: средний американец прочтет текст, увидит фото, сделанное в Москве, и подумает: «Наверное, негр, изображенный на фото, все-таки страдает там от дискриминации. Не сейчас, не в момент съемки, а вообще. Иначе не поместили бы фото».

Действительно, нормальному человеку трудно допустить мысль, что врать можно настолько нагло. А Данбар доказывает: можно. И не так еще можно!

Вот, например, снимок первый. Подпись под ним гласит: «В Московском университете имени Патриса Лумумбы африканцы учатся под оком Ленина». Надо понимать, африканцам насильно вбивают в головы коммунистические идеи. Данбар не называет фамилии тех, кто изображен на снимке. Придется сделать это за него. Девушку, например, зовут Джорджетта Оресанья, она из Нигерии, учится на медицинском факультете Университета имени Патриса Лумумбы. Мы показали ей снимок и статью Данбара.

— Все, что пишет этот господин из «Лука»,— ложь. Я никогда не встречала в Советском Союзе дискриминации по отношению к себе. Среди советских девушек и ребят у меня много настоящих друзей. Я счастлива, что учусь в Советском Союзе, мечтаю о том времени, когда, вернувшись на родину, смогу использовать знания, полученные здесь, на пользу своему народу. Кстати говоря, программа обучения составлена очень хорошо. Что же касается «ока Ленина», то, например, лекции по политэкономии, которую преподают в университете, читаются факультативно: кто интересуется предметом, слушает, кто не хочет, может эти лекции не посещать.

И еще одну интересную деталь рассказала нам Джорджетта Оресанья. Оказывается, вы, господин Данбар, сделали этот снимок не в университете, а в здании поликлиники (где студенты, кстати говоря, лечатся и получают медикаменты бесплатно), потому что в здании университета такого бюста В. И. Ленина нет. Оказывается, вы, господин Данбар, специально попросили Джорджетту и еще одного студента из Африки, которые ждали приема у врача, пересесть на этот диванчик.

— Если бы я знала, что господин из «Лука», который прикидывался нашим другом, так нечестно использует фотографию, я никогда бы не согласилась сниматься,— сказала Джорджетта.

А вот еще один снимок. На нем изображены Джозеф Фондем, студент из Камеруна, и его жена Тамара. А рядом, слева, помещен текст, в котором «один студент из Ганы» рассказывает, каким «преследованиям он подвергался в связи с женитьбой на русской девушке». Но, может быть, лучше предоставить слово самим Фондемам — Тамаре и Джозефу, изображенным на снимке в «Луке».

Так вот, мистер Данбар, изображенные на вашем снимке Джозеф и Тамара Фондемы действительно испытывали большие трудности на пути к созданию своей семьи. Дело в том, что Джозеф, когда он познакомился с Тамарой, еще не знал русского, а она — английского. Им приходилось объясняться при помощи словарей и их общего друга русского парня. Но теперь трудности позади. Тамара как работала на заводе по обработке цветных металлов, так и продолжает работать. Никто ниоткуда ее не выгонял и не исключал. Более того, уже после замужества ее приняли в институт иностранных языков, где она и учится на вечернем отделении. Очень любят Фондемы всем семейством (у них есть симпатичнейший двухгодовалый сын Феликс) ходить в Парк культуры и отдыха имени Горького (вы слышите, мистер Данбар?!!) и часто прихватывают с собой своих друзей — семейство ганца Акуа, женатого на русской девушке (уж не тот ли «один студент из Ганы», который, как вы утверждаете, рассказывал вам о преследованиях?),— и ножей для самозащиты не носят.

Вот так, мистер Данбар, выходит, заврались вы. «Что же это? — могут спросить хозяева мистера Данбара из «Лука». — По-вашему выходит, что наш Данбар так ни одного слова правды и не сказал?»

Нет. Сказал. Во-первых, насчет зимы. Действительно, зима у нас в России бывает холодная. И во-вторых, насчет демонстрации африканских студентов на Красной площади в декабре прошлого года. Действительно, была такая демонстрация. Нашлось среди африканцев несколько провокаторов, и нашлись простаки, которые на эту провокацию поддались. Ведь африканцы тоже бывают разные — которые, как говорится, рабочие, а которые — буржуазные. И вам, господа хозяева, это известно прекрасно, потому что сам Эрнест Данбар, получающий от вас на хлеб с маслом, тоже негр. Так вот, в связи с этой демонстрацией мне хотелось бы привести короткую выдержку из недавно полученного в Университете имени Патриса Лумумбы письма ганского студента Питера Уайта, который несколько месяцев назад уехал из Москвы в ФРГ.

«Я прошу перед университетом,— пишет Уайт,— прощения и разрешения вернуться обратно, чтобы получить образование в Советском Союзе... 6 месяцев, которые я провел в Западной Германии, научили меня многому. Те, кто недоволен пребыванием в социалистических странах, просто нигде больше не бывали. Я понял, что в Советском Союзе я чувствовал себя дома больше, чем в любой другой стране».

Вот и все. А теперь закроем журнал «Лук» и пойдем тщательно мыть руки.

ДЯДЯ ТОМ ИЗМЕНИЛ ХАРАКТЕР

Я собирался было назвать эту главку «Дядя Сэм и дядя Том». Но вспомнил вот что.

В Нью-Йорке, на 42-й улице, около входа в магазин компании Вулворт я видел, как полтора десятка человек мерно шагали гуськом по кругу, неся в руках плакаты:

Семейство Фондемов не вспомнило вас добрым словом, господин Данбар.
Фото Е. Умнова.

вымойте руки

«Не покупайте у компании Вулворт, она поддерживает сегрегацию».

Многие прохожие, привыкшие к подобным демонстрациям, как ни в чем не бывало входили в магазин Вулворта. Среди них были и негры. Кто-то бросил насмешливо: «Глядите-ка! Дядя Том научился писать плакаты...» Демонстрант, вручивший мне листовку с призывом не посещать магазины Вулворта, вздохнул: «Будь проклят этот дядя и его хижина. Он нам дорого обошелся со своей добротой...»

Это было в тысяча девятьсот шестидесятом году. А год назад весь мир увидел, что характер знаменитого дяди Тома совершенно изменился. Его правнуки — 19 миллионов американских негров — вышли на улицу, чтобы потребовать для себя одинакового с белыми права на жизнь.

В американской буржуазной печати почти не употребляется слово «дискриминация». Вместо него в обиходе более удобное и расплывчатое слово «сегрегация», которое означает «отделение», «выделение», «изоляция».

Журнал «Ньюсуик» задал вопрос многим неграм, что означает для них это слово. Вот некоторые ответы:

РИЧАРД МЭКОН ИЗ ДЕТРОЙТА: «Мальчишкой я ненавидел себя за то, что родился черным. Я гражданин третьего сорта, я предмет насмешек».

НЕКИЙ ДОКТОР (журнал не приводит его фамилии) вспоминает: «Я должен был пять миль шагать пешком до своей школы. По пути в эту полуразрушенную школу для негров я проходил мимо трех школ для белых детей».

ЧАРЛИ ДЖОНС ИЗ ЧИКАГО: «В армии белые плевали в меня и кричали «нигер». Меня послали за океан, и от мысли, что я должен драться и, может быть, умереть ни за что, я не чувствовал дела, за которое сражался».

МИССИС РУТ М. БЭТСОН ИЗ РОКСБЕРИ, МАССАЧУСЕТС: «Когда мне было 10 лет, я пошла позавтракать в один из ресторанов в Бостоне. И они подали мне сырой кусок мяса. Я никогда, никогда не забуду унижения, которым я заплатила за это блюдо».

ДВОРНИК ИЗ НЬЮ-ОРЛЕАНА: «Это — как наказание за преступление, которого никогда не совершал».

Я думаю, что «Ньюсуик» выбрал, конечно, далеко не самые яркие примеры «сегрегации».

Жена известного борца за равноправие негров, Медгара Эверса, убитого в прошлом году расистами, рассказывала:

«Дома мы привыкли ложиться по ночам подальше от окон, чтобы не стать мишенью для стрелков. В последнее время мы научили детей кидаться на пол, как пехотинцы, если они услышат сильный шум у дома».

Ну что ж, можно назвать это и сегрегацией. От изменения термина преступление не перестает быть преступлением.

Год тому назад, чтобы успокоить вспыхнувшую бурю негритянского движения, президент Джон Кеннеди предложил конгрессу принять закон о гражданских правах. В течение года билль не ставили на голосование. И это случилось не только по вине оппозиционной республиканской партии, но и по вине правящей — демократической. Демократы-расисты, которыми руководит опытный борец против гражданских прав, сенатор из Джорджии Ричард Бревард Рассел, делали все, чтобы «заговорить» билль насмерть. Для этой цели они сформулировали три «разговорных команды» по шесть человек. Каждая рассчитана на 24 часа непрерывной болтовни. Одна команда говорит, две другие в это время отдыхают.

Сенатор Мэнсфилд, лидер демократического большинства в сенате, горюет: «Наибольшие трудности мы испытываем с демократами, а не с республиканцами».

Недаром бесноватый Голдуотер как-то изрек: «В расовом вопросе мы (республиканцы.— Г. Б.) не можем тягаться с демократами-южанами».

Вот образчик показательных дебатов, которые ведут между собой сенаторы-демократы перед объективами телекамер.

СЕНАТОР ТЭРМОНД. Это (речь идет о статье билля, в которой запрещается дискриминация негров в ресторанах и т. д.— Г. Б.) приведет к интеграции в частной жизни...

...Человек не обязан обслуживать в принадлежащем ему ресторане того, кого он не хочет обслуживать.

СЕНАТОР ХЭМФРИ. Мне кажется, что именно сейчас мы нарушаем права собственности благодаря насильственной сегрегации. Позвольте мне привести пример. В городе Бирмингэме (Алабама) вплоть до 1963 года существовал закон, который гласил: если вы держите ресторан и собираетесь позволить неграм посещать его, вы обязаны возвести посреди ресторана стену высотой в семь футов (более двух метров.— Г. Б.), которая бы отделяла белых людей от цветных.

Разве это не вторжение в частную жизнь?

СЕНАТОР ТЭРМОНД. Сенатор, мы живем в стране свободы, и по нашей конституции человек имеет право использовать свою частную собственность так, как он этого хочет...

...Мы не хотим заставлять людей жить в рабской зависимости, но я думаю, что именно такого рода зависимость возникает для женщины одной расы, если она обязана делать массаж женщине другой расы в случае, если первая этого не хочет.

СЕНАТОР ХЭМФРИ. ...Статья вторая говорит только, что вы не имеете права из-за цвета кожи отказать человеку в посещении общественных мест, таких, например, как отель.

СЕНАТОР ТЭРМОНД. Может в отеле быть парикмахерская или салон красоты?

СЕНАТОР ХЭМФРИ. Ну если это в отеле...

СЕНАТОР ТЭРМОНД. Именно. Если дама содержит массажную в отеле и если дама одной расы вошла туда и захотела, чтобы ей сделала массаж женщина другой расы, та вынуждена будет произвести массаж, независимо от того, хочет она этого или нет. Разве это не рабство?

СЕНАТОР ХЭМФРИ. Могу ли я сказать, мой друг, что многие люди, кг торые обладают частной собственностью, не имеют полных прав делать все, что они пожелают? Если, например, у вас бар, вы не имеете права пускать туда подростков. Если у вас ресторан, вы не имеете права содержать его в антисанитарных условиях...

Спор этих двух сенаторов напоминает мне спор двух юристов, которые, видя, как преступник наносит ножевые раны человеку, ведут джентльменский диспут на тему, имеет ли право закон ущемлять личную инициативу бандита.

Такого рода дебаты ведутся во всей американской печати. Большей частью это не просто глупые дебаты, а злобные, издевательские, организованные только для того, чтобы дать трибуну расистам.

Время от времени в газетах и журналах появляются заметки о том, что, возможно, жив Гитлер, возможно, здравствует Борман. Каждый раз эти слухи вызывают сенсацию среди американских журналистов. Но вот ходит среди американцев расист Барри Голдуотер — и это никого не удивляет. Или, например, профессор психологии Колумбийского университета, некий доктор Генри Е. Гарретт. Вот его слова, опубликованные в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»:

«Я думаю, что сегодня одно из основных заблуждений в образе мыслей многих людей заключается в том, что они считают негра белым, рожденным под жарким солнцем. Если с негром, думают они, обращаться как подобает, он будет вести себя, как белый человек. Мое же убеждение состоит в том, что негр никогда не будет вести себя, как белый, потому что он не белый. Поляки, итальянцы, ирландцы ассимилировались американской нацией, потому что все они кавказской расы. Если негры даже ассимилируются, вероятнее всего, получится такая же смесь, как на некоторых островах Вест-Индии, в Пуэрто-Рико, в некоторых частях Бразилии и в Центральной Америке» (!!!).

А вот еще один профессор — из Нью-Йоркского университета — Эрнест ван ден Хааг. «Всегда белый будет ненавидеть негра и наоборот. Даже если эти расы смешаются, все равно останутся люди с более светлой и более темной кожей. И между ними останутся те же проблемы».

Я не вижу отличия Хаага и Гарретта от Гитлера и Бормана. Однако этих двух профессоров никто не ловит, никто не судит в стеклянной камере, никто не приговаривает к казни через повешение.

«Нет, куда бы ни переселялись негры, какие бы демонстрации ни устраивали, каких бы законов ни добивались — все равно им не спрятаться от своей черной кожи»,— в этом хочет убедить борцов за равноправие негров буржуазная печать.

В Англию? Но там есть свой Бирмингэм. Репортаж о жизни негров в этом английском городе напечатал журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Оказывается, негритянские иммигранты в английском Бирмингэме чувствуют себя не лучше, чем в американском. Их принимают только на низкооплачиваемую работу независимо от квалификации, им отказываются сдавать комнату, не позволяют жить по соседству с белыми. Негры, окончившие колледжи, могут рассчитывать получить лишь место кондуктора в автобусе. Их часто не принимают в профсоюзы, в дешевых закусочных для них выделены специальные комнаты. «Что касается ресторанов,— пишет журнал,— то эта проблема еще не привлекла там большого внимания, ибо очень немногие цветные иммигранты имеют деньги или желание питаться в них».

Вы уповаете на социалистические страны? Пожалуйста, читайте статью в журнале «Лук» под названием «Восстание африканцев в России». Вместе с другими статьями она должна убедить: «Неграм некуда податься. Даже в социалистической стране — то же самое. Поэтому им остается одно: смириться». Вот на что рассчитывали хозяева из «Лука», когда давали вралю Данбару пять драгоценных полос!

Ах, как им хочется иметь дело с дядей Томом! Милый, добрый старикан, исповедовавший непротивление злу насилием. Ах, как их тревожат демонстрации, решительные требования, борьба!

Наступило лето. А с ним ожидаются вспышки новых битв за равноправие негров в Соединенных Штатах Америки. В этой борьбе трудящиеся негры выступают вместе с трудящимися белыми. У них одни цели. И у них одни и те же враги — белые и черные расисты. Да, да, белые и черные расисты. И те и другие добиваются отделения рас друг от друга. И те и другие связаны тесным сотрудничеством. Об этом говорит, например, грязная статья негра Данбара в «Луке».

ПОЧТА ГОСПОДА БОГА

При входе в некоторые церкви Парижа висит своего рода почтовый ящик, куда верующие опускают письма со своими просьбами, адресованными господу богу. Ящик вскрывают один раз в неделю. Затем корреспонденция сортируется по уточненным адресам: богу-отцу, богоматери и сыну божьему. По воскресеньям корреспонденция направляется с амвона непосредственно «адресатам». Вот типичные обращения к богу, которые приводит газета «Экспресс»:

— Добрый бог, помогите мне в моем продвижении по службе.

— Богородица, сделайте, я вас умоляю, чтобы я получила другую службу в библиотеке, желательно в Латинском квартале.

— Нас через неделю выгонят на улицу, и у нас не будет никакого пристанища. Поспеши нам помочь, господи!

— Чтобы господь вмешался и не допустил продажу нашего дома.

Бывают и другого рода просьбы:

— Чтобы выиграть судебный процесс.

— Обрати моего мужа в веру истинную!

— Иисус! Сделайте милость и устройте, чтобы Анна-Мария вышла за Мишеля. Я вам этого не забуду.

— Чтобы Луи ко мне вернулся...

— Молю за молодую женщину, которую хочет бросить муж. Дай, господи, ему силу остаться и любить!

ЧЕРТОВЩИНА

В Англии есть ведомство по регистрации духов.

Недавно нефтяник-миллиардер Поль Гетти, владеющий старинным замком в Саттон-плейс, получил коллективное заявление от своей прислуги, требующей увольнения. Мотив: прислуга не может работать в доме, в котором духи переставляют мебель и нарушают тишину. Поль Гетти обратился за консультацией к специалисту по духам, проживающему в Лондоне, и тот внес ясность в обстановку.

Оказалось, что привидения замка Саттон-плейс с 1777 года значатся в особом реестре духов. Беспокоят они исключительно прислугу и никогда не тревожат хозяина дома. Такой ответ вполне удовлетворил миллиардера. Прислугу можно нанять новую. А духи пусть здравствуют.

РЫЧАНИЕ ПО ТАКСЕ

В зоологическом саду Кейптауна установлены магнитофоны-автоматы, воспроизводящие рычание хищных животных. Если посетитель хочет услышать какого-нибудь хищника, то ему не нужно стоять у клетки в ожидании рычания. Достаточно бросить в новый автомат монету.

На урок, обязательный для всех.

К. ЧЕРЕВКОВ Н. АНАНЬЕВ

В их дипломах звание — клубный работник. Это желанный и нужный на селе человек. После училища они вернутся в родные места, где их все знали как певцов, танцоров, музыкантов. Вернутся, став режиссерами драматических коллективов, балетмейстерами, дирижерами оркестров народных инструментов, хормейстерами. За годы учебы в Ленинграде студенты узнали не только одну специальность. Выпускник училища сумеет красиво написать афишу, уверенно развернет мехи баяна, загримирует самодеятельных актеров, а если понадобится, заменит киномеханика, исправит фотоаппарат, наладит магнитофон. Он поведет грамотный разговор о новом в сельском производстве, о химии, о делах колхозных.

В доме на Кирилловской улице учат парней и девчат из деревень Ленинградской и близлежащих к ней областей. Поступая в училище, можно выбрать любой факультет — хоровой, танцевальный, театральный, народных инструментов.

И только на первый взгляд покажется необычной универсальность учебной программы этого училища. Его студенты очень хорошо совмещают обучение актерскому мастерству и занятия по агротехнике со знакомством с клубной техникой и историей искусств.

Молодость жадно, с благодарностью берет все, чем богат город Ленина. Студенты занимаются, слушают лекции мастеров искусств, знакомятся с театрами. Одна из форм учебы — практика в колхозах. Здесь они ученики на фермах и полях и артисты на сельских клубных сценах.

Этой весной почти в ста сельских клубах Ленинградской, Калининской, Новгородской, Псковской областей появятся выпускники Ленинградского культурно-просветительного училища.

Сценический этюд.

ИХ ЖДУТ В

Танцовщица Лида Маркиянова сдает зачет по агротехнике.

ДЕРЕВНЕ

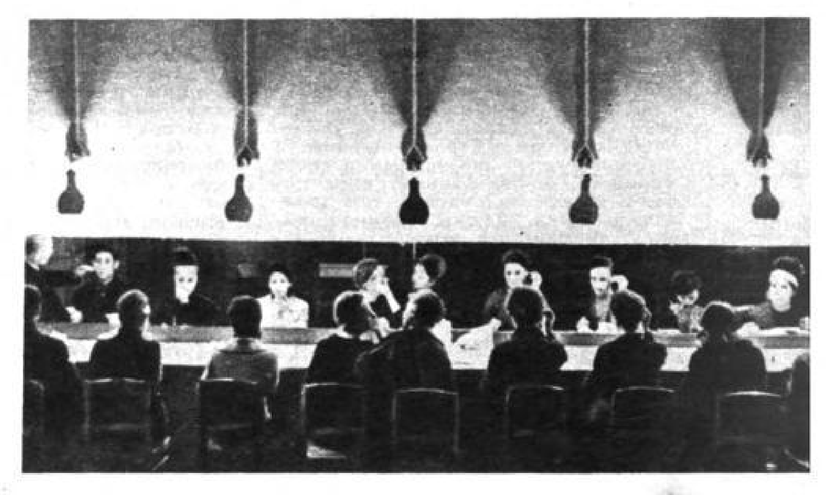

У Саши Старушкина свободная минута.

Классический танец.

Урок грима.

Клубное дело — основная дисциплина.

Когти маленького медведя

Олег ШМЕЛЕВ

Рассказ

Эта полупечальная повесть началась и завершилась в зоопарке, но виноваты во всем не звери. Судите сами.

Началось с того, что к директору зоопарка однажды пришла стройная, высокая молодая девушка. Держалась она просто, но с достоинством.

Приветливо улыбнувшись, девушка задала вопрос, который не поразил директора своей неожиданностью, так как дело происходило именно в зоопарке.

— Скажите,— спросила она,— у вас змеи умирают?

— К сожалению, да,— ответил директор со вздохом.

Его вздох носил чисто профессиональный, ведомственный характер. Не жалость к змеям руководила директором, когда он вздыхал, ибо мало кому придет в голову жалеть змей. Все объяснялось гораздо серьезнее: на место каждой умершей змеи в зоопарк должна поступить новая, а это всегда стоит немалых хлопот и денег.

Девушку обрадовало сообщение директора. Она улыбнулась еще милее прежнего. Для наблюдателя, склонного к безудержному философствованию и обобщению, вид этих двух лиц — скорбного мужского и радостного девичьего — мог служить прекрасной иллюстрацией той прописной истины, что все на свете относительно. «Знаменательно,— сказал бы такой наблюдатель,— что один и тот же факт — а именно, что змеи смертны,— вызывает столь различную реакцию у двух индивидуумов». Но суть не в том.

Девушка задала свой следующий вопрос, который уже несколько озадачил директора, хотя дело происходило в зоопарке.

— Скажите, а куда вы деваете кожи умерших змей?

Раньше директор не задумывался над этим естественным вопросом, подобно тому как бородатый человек не задумывается над тем, куда он кладет бороду во время сна.

— Когда как...— неопределенно ответил директор.— А почему, собственно, вас это волнует?

— Мне нужна змеиная кожа на галстук для Сержа,— просто объяснила девушка.— Серж — мой жених. А в магазинах галстуки — кошмар. Даже в Столешниковом.

Директор тут же вспомнил свою молодость и без дальних слов полез в шкаф. На счастье, там завалялась кожа гадюки, скончавшейся в террариуме полгода назад. Кожа еще не успела как следует пропылиться, и когда он движением продавца галстуков положил ее на стол перед девушкой, та воскликнула:

— Блеск!

Она тут же прикинула на себе, каков получится галстук, и сделала заключение:

— Колоссально!

А потом спросила, сколько должна заплатить. Но, во-первых, у директора не имелось расценок на змеиные кожи, во-вторых, как было сказано выше, он еще помнил свою собственную молодость, а девушка была так хороша, что ее не портил даже лаконичный стиль выражений, и поэтому директор сказал:

— Я дарю вам это. Пусть ваш жених носит на здоровье.

— Благодарю! — воскликнула девушка и спрятала гадюку в сумочку.— У нас послезавтра свадьба. Ему пойдет этот галстук.

Она ушла вполне счастливая, как человек, который долго искал и наконец-то нашел.

Все, что произошло, не показалось бы директору слишком странным, если бы не визит Нины Борисовны, явившейся вскоре после того, как его кабинет покинула девушка. Нина Борисовна заведовала зоологическим музеем биологического факультета в университете. Как говорится, в целях пополнения музея чучелами зверей и птиц она поддерживала с зоопарком тесный контакт.

На сей раз Нина Борисовна была взволнована больше обычного.

— Представляете, Игорь Иваныч! — прямо с порога начала она.— Помните, вы уступили нам шкуру того карликового медведя панды? Так вот...— Она села на стул.— Сегодня я чистила чучело пылесосом и обнаружила, что все двадцать когтей пропали с его лап. Это невыразимо печально. Кому понадобилось его обезобразить?

— Успокойтесь,— сказал Игорь Иваныч, наливая в стакан воды из графина.— Не надо так убиваться из-за чучела. Это же не живой медведь, ему не было больно.

Игорь Иваныч хорошо знал этого панду при жизни. Как все панды, он был добродушен и весел и доставлял посетителям, особенно детям, много забавных минут. Обидно было сознавать, что теперь, будучи чучелом, он подвергся такой унизительной операции.

Игорь Иваныч без труда восстановил мысленно живой образ пострадавшего панды и вспомнил, что у него на правой задней лапе не хватало одного когтя — панда сломал его как-то раз, играя с бревнышком, а новый отрасти не успел.

Отметив про себя эту подробность, Игорь Иваныч хотел поправить Нину Борисовну, сказать, что с чучела пропало не двадцать, а всего лишь девятнадцать когтей, но разумно решил не уточнять, ибо гнев и боль этой славной женщины нельзя было измерить никаким количеством медвежьих когтей.

— Это же варварство! — не унималась Нина Борисовна.— Если подобные вещи происходят в стенах храма науки, то до чего же мы дойдем?! Главное, что меня возмущает,— бессмысленность и бесцельность поступка.

— Может, не такой уж он бесцельный,— отвечал Игорь Иваныч, сопоставляя пропажу когтей и эпизод с кожей гадюки. Смутная догадка мелькнула у него.

Нина Борисовна пропустила мимо ушей замечание директора.

— Я, конечно, выйду из положения,— заявила она.— Студенты с химического факультета обещали мне сделать точно такие же когти из пластмассы. При современном развитии химии все возможно. Но разве это означает, что люди спокойно могут вырывать когти у медведей, хвосты у лис и зубы у китов?!

— У китов нет зубов,— автоматически отметил Игорь Иваныч.

— Это не имеет значения! — сказала Нина Борисовна.— Я говорю в принципе.

Она постепенно успокоилась и приступила к делу, ради которого пришла: ей необходимо было приобрести для музея чучело бегемота и синички. О том и другом они быстро договорились, и Нина Борисовна покинула директорский кабинет.

Дальше события нарастали, как в приключенческом фильме.

Едва Игорь Иваныч собрался отправиться домой — зоопарк уже закрыли,— как до него донесся нечеловеческий, жуткий вопль зверя. А вслед за тем раздался звериный вопль человека.

Через десять минут в кабинет постучали, и дюжий сторож дядя Миша вежливо ввел за шиворот молодого человека, одетого по последней моде. На левой щеке бледного юноши отчетливо отпечатался след медвежьей лапы. Директору достаточно было одного взгляда, чтобы определить, что это лапа панды.

— Вот,— сказал дядя Миша.— Хотел панду инвалидом сделать. Панда спать лег, устал, а он через забор перемахнул, подкрался и хвать панду за лапу. Вооружен был клещами.

Действительно, дядя Миша извлек из кармана своего фартука клещи и положил это вещественное доказательство на стол.

— Отпустите его,— попросил Игорь Иваныч дядю Мишу, и тот с большой неохотой исполнил просьбу.

— Что вы намеревались сделать с медведем? — обратился Игорь Иваныч к молодому человеку.

— Ничего особенного,— несколько смутившись, ответил тот.— Я хотел ампутировать всего один коготь.

После двух предыдущих визитов директор имел право не изумляться ничему.

— Для чего вам понадобился коготь? — спокойно поинтересовался он.

— Мне не хватало для комплекта.

— У вас было всего девятнадцать штук, не так ли? — догадался Игорь Иваныч.

Удивляться пришлось молодому человеку.

— Так,— изумленно подтвердил молодой человек.— Но откуда вы знаете?

— Пока задаю вопросы я,— строго отрезал Игорь Иваныч.— Что вы собирались сделать с этими когтями?

— Моя невеста хочет иметь оригинальные бусы, а в магазинах продается такой стандарт, что она бы стала меня презирать. Бусы из двадцати медвежьих когтей ей обязательно понравятся, а девятнадцать — некомплектно.

— Вас зовут Серж?

Удивлению молодого человека не было предела.

— Да, так зовет меня она. А вообще я Сергей. Но откуда...

— Ничего, потом узнаете,— перебил его Игорь Иваныч.— Девятнадцать когтей — тоже достаточно оригинально. А невесте вашей скажите, что вы не виноваты. Этот панда потерял коготь при жизни. Получится даже еще оригинальнее. Так сказать, бусы с легендой.

Дядя Миша слушал и ничего не понимал.

— Проводите,— сказал ему Игорь Иваныч.— До ворот.— И, обращаясь к Сергею, прибавил: — Передайте привет вашей невесте. А после свадьбы подумайте: стоит ли так оригинальничать?

— Я больше не буду,— сказал благодарный Сергей и удалился в сопровождении дяди Миши. Клещи он за ненадобностью оставил.

Игорь Иваныч решил простить Сергея, потому что пощечину, полученную молодым человеком от медведя, можно было считать достаточным и вполне поучительным наказанием.

НАШИ ПЕРНАТЫЕ

ФОТОВИКТОРИНА

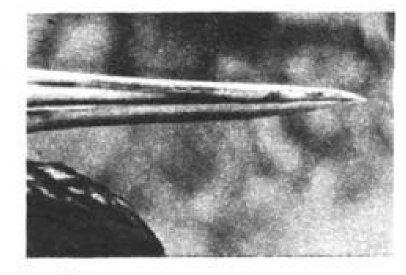
Неистощима фантазия природы. Каких только диковинных растений, животных она не создала! Особенно многочисленно шумное птичье племя, насчитывающее более восьми с половиной тысяч видов.

Их внешние различия во многом зависят от образа жизни. Взять, например, клюв. Если птица питается зернами, косточками плодов, вроде вьюрка,— клюв у нее широкий, если ей приходится добывать корм в воде, как это делает цапля,— клюв длинный. Хищникам больше подошел клюв-крючок, чтобы крепче держать добычу.

Попробуйте угадать, кому из птиц принадлежат клювы, изображенные на фотографиях.

Фото Н. НЕМНОНОВА.

1

2

3

4

5

УЧЕНЫЙ-ЛИТЕРАТОР

Энтузиаст науки М. М. Филиппов соединял в себе силу научного предвидения с любовью к искусству и литературе.

Юрист по образованию, философ по ученой степени, литератор по профессии, историк, журналист, лектор, наконец, инженер-изобретатель, революционер по убеждениям, М. М. Филиппов был одной из самых популярных фигур в Петербурге начала девятисотых годов. Он никогда не отказывался от публичных выступлений на концертах в пользу беднейшей молодежи, политических заключенных и ссыльных.

При всей глубине и разносторонности произведения М. М. Филиппова отличает легкий, изящный слог, понятный широким кругам читателей. Он много занимался журналистикой. Легко ли было в царское время основать и вести журнал «Научное обозрение», где по инициативе Филиппова участвовали Ленин, Плеханов, Менделеев, Циолковский, Н. Бекетов, Глазенап, Лесгафт!..

Сколько надо было иметь мужества, чтобы в помещении редакции журнала и у себя на квартире производить опыты в области передачи взрывной волны на расстояние! Как известно, М. Филиппов погиб именно при постановке этих опытов в 1903 году, в возрасте 44 лет. Все его научные расчеты, равные по значению идеям Кибальчича, исчезли в архивах царского охранного отделения.

Но память о величии ума и благородстве характера этого философа, писателя и ученого сохранилась. Недавно вышла его книга «Этюды прошлого», где собраны отрывки из оригинальных работ М. Филиппова, главным образом историко-научных и литературных исследований, а также отрывок из романа «Оборона Севастополя». Книга издана под общей редакцией профессора Б. Г. Кузнецова, со вступительной статьей сына ученого Б. М. Филиппова.

Читая «Этюды прошлого», невольно поражаешься энциклопедизму автора книги, вобравшей фрагменты очерков о Леонардо да Винчи, Ньютоне, Паскале, Лессинге, Лобачевском, о космологии и космогонии в конце XIX века и наряду с этим литературно-критические статьи о Некрасове, Горьком и Метерлинке. Напечатана в этом издании и интересная статья Филиппова о биологических взглядах Аристотеля.

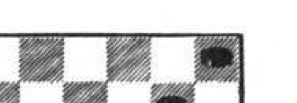
М. Филиппов занимался и философскими проблемами биологии, вопросом об инстинкте животных. Соединяя в своих поисках линию Ч. Дарвина и линию И. Сеченова, автор в своей книге «Философия действительности» (1898) сумел предугадать некоторые идеи И. П. Павлова относительно высшей нервной деятельности, возникающей «на корнях» инстинктов. Хорошо было бы переиздать этот новаторский для своего времени труд.

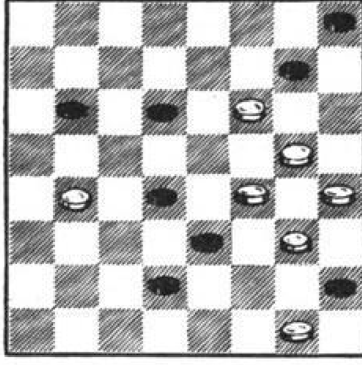
Ю. П. ФРОЛОВ,
профессор, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР

М. М. Филиппов. Этюды прошлого. Избранные очерки, научные работы, художественная проза, литературно-критические статьи. Издательство АН СССР. Москва. 1963 г.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

КОНЦОВКА

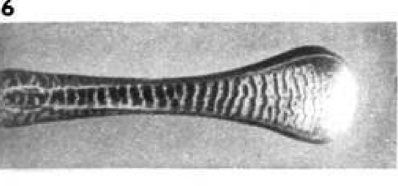
Б. А. Могилевский
(Житомир)

Белые начинают и выигрывают.

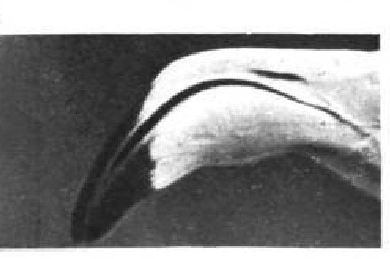
* * *

Решение концовки Б. М. Блиндера, напечатанной в № 26 «Огонька»: 1. g7—e5!! d6 : f4 (если 1. ...g3 : e1, то 2. e5 : a5 d8—c7 3. a5 : d8 e1—c3 4. c1—d2 c3 : e1 5. d8—a5 и выигрывают) 2. f2—e3! f4 : d2 3. h4 : c7 d8 : b6 4. c1—d2 и выигрывают. Не выигрывает 1. g7—f8 g3 : e1 2. f8—a7 d8—e7! 3. h4 : d8 e1—c3 и ничья.

6

7

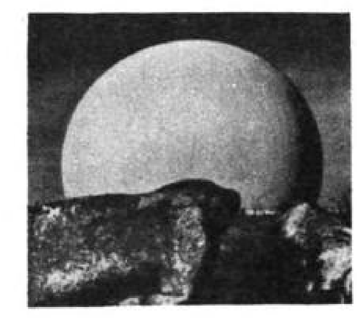
8

9

Ответы смотрите на 32-й странице журнала.

ОЛИМПИЙСКАЯ АНТЕННА

Это не заходящее солнце, а гигантский шар диаметром в 65 метров — антенна для новой телестанции во Франции.

Станция при помощи спутника «Телестар II» должна принимать передачи об Олимпийских играх из Токио для Европы.

ОПЕКУН

У собаки, живущей в одном из дворов Лондона, родилось семь щенят. В этом дворе живет также и пингвин Вольби. Он очень привязался к щенятам. Стоит только кому-нибудь подойти к малышам, как Вольби старается спрятать их под свои крылья.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ПРОТИВ ВОРОВ

В Лувре и в других французских музеях вскоре предполагается установить специальные телевизионные системы в целях охраны шедевров искусства от воров. За дорогими музейными экспонатами будет вестись наблюдение из центрального контрольного пункта с несколькими экранами.

ШЕСТИНОГИЙ ОСЬМИНОГ

Недавно в Токийском заливе поймали небольшого осьминога весом 4 килограмма. У животного оказалось всего шесть щупалец. Пытались обнаружить следы двух отрубленных щупалец, но так и не нашли их.

ВЫДЕРЖАТ ЛИ НЕРВЫ?

В Штутгарте (ФРГ) под железнодорожным мостом разместилось несколько жилых домов.

Каково его обитателям, если они постоянно слышат грохот над своими головами?

НЕОБЫЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Пуэрто-риканский институт тропических исследований провел интересный эксперимент в зоопарке. В клетки были посажены люди, а обезьяны выпущены на свободу. Обезьяны вели себя так же, как ведут посетители зоопарка: они окружили клетки, бросали внутрь арахисовые орехи, дразнили людей и смеялись над ними.

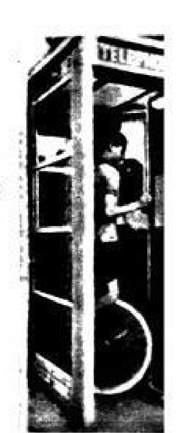
УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЗМЕЙ

Американка Рена Старлинг увлеклась фотографией хищных зверей. Однажды она сфотографировала борьбу ягуара с самым крупным удавом — анакондой.

В последнее время она ловит змей в озерах штата Флорида для одного научного института. Если попадается большая и очень сильная змея, Старлинг пользуется кинжалом, который всегда висит на ее поясе. В любой ситуации ее никогда не покидает спокойствие и хладнокровие.

ПРЕИМУЩЕСТВО ОДНОГО КОЛЕСА

В западных странах получает все большее распространение езда на одноколесном велосипеде. Говорят, что удобство такого транспорта заключается в том, что на нем можно легко въехать в магазин, бар, телефонную будку.

По горизонтали:

4. Советский музыкант. 5. Птица. 10. Полуостров в Африке. 11. Земляной орех. 13. Горы в Европе. 19. Грузоподъемная машина. 20. Ответная реакция организма. 21. Постройка в саду. 22. Лента для измерения длины. 24. Часть фасада здания. 26. Животный мир. 28. Водопад, низвергающийся уступами. 30. Минерал, разновидность углерода. 31. Снаряжение охотника. 32. Основоположник теории межпланетных полетов.

По вертикали:

1. Приток Амура. 2. Стенная живопись. 3. Овощное растение. 6. Песня А. Гречанинова на слова М. Лермонтова. 7. Торжественное шествие, смотр. 8. Азербайджанский поэт XVIII века. 9. Научная работа. 12. Место для приема солнечных ванн. 14. Словарный состав языка. 15. Актер МХАТа, народный артист СССР. 16. Тригонометрическая функция. 17. Пастух-овцевод. 18. Раздел текста, рубрика. 23. Знак препинания. 25. Молочный продукт. 27. Центр Закарпатской области. 29. Созвездие северного неба. 30. Оттиск типографского набора.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

7. «Птицелов». 8. Арматура. 10. Ивашкевич. 11. Гобой. 13. Атрек. 15. Агама. 16. Каунас. 18. Лекция. 19. Гвинея. 20. Петров. 24. Свинец. 25. «Критик». 26. Кубок. 28. Штрек. 30. Газон. 31. Радиозонд. 32. Коненков. 33. Виннипег.

По вертикали:

1. Столовая. 2. «Гений». 3. Соната. 4. Гривна. 5. Парча. 6. Трапеция. 9. Оксана. 12. Основание. 14. Тектоника. 17. Синец. 18. Лоток. 21. Цветовод. 22. Шаблон. 23. Китобоец. 26. Кедров. 27. Каолин. 29. Крона. 30. Гдыня.

На первой странице обложки: Ирочка Лафазанова, внучка освободителя Бреста.
Фото Д. Ухтомского.

На четвертой странице обложки: Сергей Баранов сможет показать землякам и кинокартину (см. в номере «Их ждут в деревне»).
Фото Н. Ананьева.

ОТВЕТЫ НА ФОТОВИКТОРИНУ «НАШИ ПЕРНАТЫЕ»

1. Черный аист.

2. Пеликан.

3. Большой баклан.

4. Лебедь шипун.

5. Сип белоголовый.

6. Колпица.

7. Фламинго.

8. Каравайка.

9. Глухарь.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Солнечные блики

Рисунки В. Черникова.

Досмотреть хочется...

Веснушки.

Спасительная тень.

Иди купайся, теперь не заблудишься!

Рисунки В. Воеводина.

Лыжи пляжные. Проектное предложение.

— Море вам не городской автобус.

Рисунок В. Воеводина.

Без слов.
Рисунок А. Арутюнянца.

Передай эту записку в самые руки.

Рисунок Ю. Черепанова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00704. Подписано к печати 1/VII 1964 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 960 000. Изд. № 1150. Заказ № 1786.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

215
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.